

Инна Багинская

Детектив
сильных
страстей

Знак
с той стороны

Дикие лебеди

Инна Бачинская

Знак с той стороны

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Знак с той стороны / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2016 — (Дикие лебеди)

ISBN 978-5-699-88964-8

К частному детективу Александру Шibaеву обратилась влиятельная бизнес-леди Ада Руданская с весьма странной просьбой – разыскать первого сына ее недавно умершего мужа Николая. Когда-то в молодости Ада увела Колю от беременной невесты, и теперь, когда и мужа, и их общего сына нет в живых, ее мучает совесть, и Руданская хочет оставить неведомому юноше внушительное наследство. Шibaев берется за дело, и следствие продвигается как по маслу – и свидетели нашлись, и следы не затерялись, хотя прошло уже без малого четверть века. Вроде бы надо радоваться, но такое положение дел отчего-то настораживает опытного сыщика...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88964-8

© Бачинская И. Ю., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Инна Бачинская

Знак с той стороны

© Бачинская И. Ю., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Все́му свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни...
Екклесиаст, гл. 3

Все действующие лица и события романа вымышлены, любое их сходство с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.
Автор

Пролог

С утра шел снег и дул шквальный ветер; потом полил ледяной дождь, а к полудню вдруг все разом прекратилось – как по мановению волшебной палочки: ветер стих, и перестал хлестать дождь; сразу стало удивительно тихо; черные тучи нехотя разошлись, и выглянуло низкое свинцовое солнце.

Игорь Васильевич, бывший учитель физики, ныне пенсионер, вывел погулять своего пса, немолодого сеттера Донго. Пес сделал свои дела и запросился домой, но Игорь Васильевич строго сказал: «Гулять!», и они пошли на край Посадовки, к небольшому леску, излюбленному месту пикников местных жителей и гостей из города. Но то летом, а сейчас лесок был пуст и печален. Белые стволы берез как привидения, густой подшерсток орешника, почти облетевшего, с буро-зелеными скукоженными листьями, пружинящий, полузасыпанный снегом ковер из почерневших листьев, глубокие лужи, затянутые тонким ледком, – такова роща сейчас, и гулять там – удовольствие сомнительное. Тем более под ноги то и дело попадались пустые пластиковые и стеклянные бутылки и всякая дрянь, оставшиеся с лета. Игорь Васильевич, не торопясь и останавливаясь на каждом шагу, чтобы рассмотреть куст лопуха или пожухлые прутики цикория, на которых, к его удивлению, торчали несколько бледно-голубых цветков, продвигался в сторону рощи.

– Смотри, Донго, какова сила жизни! – говорил он своему недовольному псу. – Снег, холод, а такая нежная субстанция, как цветок, сохранилась! Среди всей этой серости и слякоти – небесная голубизна... Совсем как в жизни, просто удивительно! Это внушает надежду, правда? Так и в жизни, мой мальчик. Нужно только не терять надежду. Ибо это стержень, на котором вертится наш земной шарик.

Донго заскулил и натянул поводок, таща хозяина в сторону поселка. Он был согласен со сказанным и не терял надежды, что они сейчас развернутся и направятся к дому.

– Донго, мы еще немного пройдем, посмотрим, что там, и сразу домой, хорошо? И тогда пообедаем... Обед нужно заслужить, ты не находишь? Нужно походить, прогулки полезны для здоровья, говорят врачи. Я бы на твоём месте побегал, тогда и аппетит получше, если побегать, особенно под черносмородинную настоечку. И подышать свежим воздухом тоже способствует, так сказать. Не хочешь? Тогда я себе чуть-чуть, а тебе, мой друг, косточку. Хочешь косточку, Донго?

Так, неторопливо гуляя и беседуя на разные темы, достигли они опушки леса. Было удивительно тихо, сюда не долетали городские шумы; тишина обволакивала, была густой и вязкой и, казалось, слегка шуршала. А возможно, шуршал, наползая, туман.

– А это что у нас тут? – спросил Игорь Васильевич Донго, разглядев за кустами лещины автомобиль. – Кто это сюда к нам приехал, а, Донго? По такой погоде? Да по снежку?

Они подошли ближе. Донго заскулил. Игорь Васильевич заглянул в окно машины, почти уткнувшись в него носом, и с удивлением обнаружил, что там пусто. Он выпрямился, повел взглядом. Вокруг стоял лес – печальные деревья и кусты затачивались подступающим со всех сторон туманом. Игорь Васильевич зябко передернул плечами. Перевел взгляд на машину, присмотрелся. На крыше застыла ледяная корка, а на окнах налипли жухлые листья.

– И следа от колес нет, – заметил Игорь Васильевич. – Из чего мы делаем вывод... Какой мы делаем вывод, Донго?

Донго оглянулся на хозяина и снова заскулил. Белесое солнце меж тем скрылось, как и вовсе не было, в природе потемнело, и в жухлой траве зашуршал мелкий дождь. Игорь Васильевич невольно оглянулся, отступил от машины и сказал нарочито бодро:

– Правильно, Донго! Мы делаем вывод, что машина стоит здесь давно и появилась еще до снега. То есть, я думаю, пару дней, никак не меньше. И что бы это значило, мой мальчик?

Где хозяин? Бросил машину и ушел? Или злоумышленник угнал чужое транспортное средство и спрятал здесь? А потом заблудился и потерял дорогу? Интересный получается казус, Донго. И что же теперь прикажешь делать?

Песик подошел к машине, обнюхал передние колеса, обошел вокруг, остановился у багажника. Встал на задние лапы, опираясь передними на крышку. Игорь Васильевич с интересом наблюдал.

– Что там, Донго? – спросил он. – Что ты там унюхал, мальчик?

Донго оглянулся на хозяина, мотнув намокшим хвостом, поднял морду кверху и вдруг завыл. Его тонкий, с переливами, тоскливый вой увязал в сыром туманном воздухе, от чего лес стал казаться еще более печальным и безнадежным...

...Бригада прибыла через минут сорок. Трое вывалились из внедорожника, водитель остался внутри. Они походили вокруг машины, заглянули через окна в пустой салон, попробовали открыть дверцы. Машина была заперта. Один из прибывших тут же позвонил по мобильнику и продиктовал номер. Другой попытался открыть багажник. К его удивлению, тот легко подчинился. Оперативник издал невнятный звук, похоже, выругался, и отступил.

Вся троица сгрудилась, рассматривая то, что находилось в багажнике. Игорь Васильевич подошел ближе и тоже заглянул. И тут же отпрянул, почувствовав, как защемило сердце и закружилась голова. В багажнике накрытая полупрозрачной полиэтиленовой пленкой лежала женщина. Он неясно увидел синеватое лицо с провалами глазниц, темные влажные волосы и тонкую кисть руки...

– Папаша, вы чего? – спросил тот, что был поближе. – Вы в порядке? Сердце схватило?

– Ничего, ничего... Сейчас пройдет, – с трудом прошептал побледневший Игорь Васильевич. – Господи... кто ее?

– Будем искать, – ответили ему. – Вы тут никого больше не видели? Машина знакомая? Вы не пытались открыть дверцы или багажник?

Получив отрицательные ответы, оперативник крикнул в сторону внедорожника:

– Володя, отвези папашу домой! Запишешь номер телефона и адрес...

Глава 1

Старые долги

*...Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
счастливая весна...*

Роберт Бёрнс

...Шаги... Ближе, ближе, ближе... Один, два, три, четыре... Неторопливые, издалека, размеренные. Скрип паркета. Шелест открываемой двери. Дыхание человека, тяжелое, с присвистом, как у смертельно больного. Где-то далеко ударили часы. Женщина в постели вздрогнула и прислушалась. Затаила дыхание. Дребезжащий звук старинного механизма ударил по нервам. Короткая тишина. Новый удар. Тяжелая глухая волна страха, ком в горле... Третий удар. В свидетельстве о смерти записано: три часа утра. Час ухода или кончины. Плюс-минус две-три минуты. Значит, три часа три минуты. Или три часа пять минут. Замирает сердце, нервные волокна уже не проводят боль, угасает слух, глаза еще открыты – подрагивают ресницы, – но уже не видят, остановилось дыхание, и настала напряженная тишина. Стала машина, двигатель замер, но где-то внутри еще что-то происходит, окончательные слабые сокращения выталкивают из сердца последнюю порцию крови, а потом ее бег постепенно замирает. Двигатель еще теплый, но уже стоит; тело сохраняет тепло почти сутки. Мозг еще работает – специальная аппаратура может уловить сигналы и явить разноцветные бегающие кривые. Они еще трепещут, мозг что-то производит – то ли мысли, то ли крик «sos», то ли бессмысленно сокращаются, замирая, нервные волокна. Принять и осознать информацию уже некому, связи порвались. Пики бегущих кривых на экране уплощаются, становятся ниже, ниже и в конце концов вытягиваются в длинные ровные линии, а потом меркнут...

Она держала его за руку. Рука была теплая, она чувствовала биение пульса. Когда рука вздрогнула в последний раз и замерла, она поняла: все...

Три часа ночи, самое мерзкое время, мысли лезут и расползаются гадкой липкой кашей, где все в кучу: стыд, сожаление, раскаяние за подлость и предательство, страх возмездия, мысли о карме, и главное – что теперь? Подведение итогов. Скорее для него, а не для себя. О, для себя она все еще на белом коне. Знамя развевается, грива дыбом, в руке палаш, рубка сплеча, упоение победой, торжествующий марш, оркестр – туш! Капитуляция, враг повержен и бежит. Горе побежденным! Сверкание глаз, раздувание ноздрей. Кто не с нами, тот против нас! Рукоплескание, любовь сторонников и ненависть поверженных. То ли действительно так, то ли попытка оправдаться...

Он стоит на пороге спальни. В белом – саван? Седая голова, черт лица не разобрать. С поникшими плечами. Стоит молча. Босой, на холодном полу. Она словно почувствовала ступнями этот холодный пол. Она сбрасывает одеяло, ей жарко.

– Коля, ты?

Ей не нравится собственный голос, ей кажется, голос дрожит, в нем предательская неуверенность.

Он молчит. Глаз не видно, вместо них – черные ямы. Ей кажется, он качает головой. Голова белая. Не простил, не забыл. Тогда молча смирился, а сейчас... Приходит, стоит, качает головой. Осуждает.

– Господи, ну виновата! Виновата! Прости, дура была! Я все сделаю, клянусь. Время еще есть... Скажи хоть что-нибудь! Не молчи! Ты всегда все принимал, ты не пытался возразить, если бы ты хоть раз попытался... Но ты молчал. Я была бессердечной дурой! Нет, не так. Я делала дело, понимаешь? У меня не было щита, уж извини. Все сама. Всегда. На войне как на войне. Ты мне веришь? Я все исправлю. Клянусь! Скажи хоть что-нибудь! Неужели за всю жизнь ничего не было? Было же! Было! Хотя бы вначале... Скажи, не молчи!

Ей хочется выть, умоляя о прощении. Внутри себя она воет беззвучно и страшно. Единственный, кто принимал ее, кто любил... Сломала как куклу. И того, и другого. Обоих. Уничтожила. Лишила всего.

Почему понимание приходит, когда уже ничего не исправить?

Мужчина молчит. Она пристально всматривается, пытаясь узнать его черты, но фигура у двери истончается, скукоживается, делается ниже и окончательно исчезает. Она всматривается – в дверном проеме пусто. Ушел, ничего не сказав. Как и раньше, как всегда. Поначалу пытался, но она твердо сказала: будет так, как я решила. Сказала, как отрезала.

Иногда она просит: уйди! Не мучай! И он слушается, уходит, а ей не легче. Он всегда послушно уходил. Здоровый жизнерадостный мужик-мастеровой с золотыми руками. Она вспоминает его сутулую спину, потухшие глаза, седину... Однажды ей пришло в голову, что она собирает камни – по камешку, большому и маленькому. Идет босая по растрескавшейся сухой земле, усеянной камнями, нагибается и подбирает их, складывает в холщовую торбу, висящую на шее, уже и не разогнуться – тяжела ноша. Серый низкий потолок неба, серая сухая земля, бесконечная пустыня, а вдаль – такие же согбенные молчаливые фигуры собирают урожай камней. Вот и весь смысл: разбрасывать и собирать. Если успеешь...

Иногда их двое, и ей приходит в голову, что они там встретились и теперь вместе, хотя здесь друг друга не жаловали. Они стоят на пороге, глядя на нее проваленными глазницами – старый и молодой, соприкасаются плечами, молчат. Отец и сын. Я же все для тебя, бормочет она. Все! Ни в чем отказа не было, душу отдавала... Проклята. За что? Одному – все, другому – ничего, а теперь они вместе, смотрят оттуда, осуждают, помирились. Теперь они против нее, все против нее... За что? Вкалывала как вол, надрываясь, тащила воз, забыв, что есть беззаботная праздничная жизнь, шмотки, курорты, поездки, блестящие побрякушки. Вол женского пола, игра природы...

Часы в гостиной бьют четыре. Уже не уснуть. Она включает ночник, достает из тумбочки трубочку с пилюлями, высыпает на ладонь две и замирает, прислушиваясь, чувствуя, как обдает ужасом. Тонкие плоские звуки шарманочного вальса иголками впиваются в виски: раз-два-три, раз-два-три... Она переводит дух и прислушивается. Показалось! Запивает таблетки, расплескивая воду, – так дрожат руки, совсем ни к черту стала. Развалина! Бессмысленно смотрит на трясущийся стакан, отшвыривает его от себя, вздрагивает от звяканья стекла и с облегчением чувствует, как наплывает тяжелое забытие...

Глава 2

Будни частного сыска

Частный сыщик... Да знаем! Все знают. Бесстрашный brutalный самец, шрамы вдоль и поперек, пистолет под мышкой, стальной взгляд исподлобья и стальные мускулы; сначала бьет морду нехорошему парню, а потом спрашивает пароль. Опять-таки засады, погони, перестрелки, зубодробительные драки, сумасшедшие романы с прекрасными плачущими незнакомками, вызволенными из грязных лап негодяев и серийных убийц. Альковные сцены – как же без альковных сцен! Романтика, если коротко. Можно для колорита и гуманизма старушку, переводимую через дорогу.

Частный сыщик Александр Шибаев отпер дверь собственной квартиры, поддал ногой сапоги сожителя Алика Дрючина, неосторожно оставленные посередине прихожей, и стащил с себя куртку. Вошел в гостиную. Алик Дрючин стоял на голове под стеной, для равновесия опираясь в пол растопыренными ладонями. Шибаев некоторое время молча рассматривал багровую физиономию адвоката – тот отвечал ему снизу несфокусированным взглядом, – потом отправился на кухню. Достал из холодильника банку пива, открыл, щелкнув кольцом и подумав при этом, что банка похожа на гранату. Из комнаты донеслись грохот и чертыхание – адвокат свалился на пол. Спустя минуту он появился на кухне – растрепанный, тяжело дыша, потирая ушибленный локоть. Открыл холодильник и тоже достал банку пива.

– Спортсменам нельзя, – усмехнулся Шибаев. – Слышишь, бэтмен?

– Почти получилось, – сказал Алик, дергая за кольцо. – Десять минут держался!

– Рекорд, однако.

Кольцо криво вырвалось из жестянки, и Алик снова чертыхнулся:

– Какого черта ты покупаешь банки? Их же невозможно открыть! Ну и что теперь делать? – Он поболтал банку в руке. – Ножом?

– Дай! – Шибаев отнял у адвоката жестянку. Всадил острие ножа в след от вырванного кольца, шарахнул ладонью. – Держи!

Алик потянулся за стаканом и опрокинул банку. На столе растеклась грязно-желтая лужа. Шибаев перевел взгляд с лужи на Алика, дернул бровью, но промолчал. Адвокат накрыл лужу кухонным полотенцем.

– Как на свет родился! – Он жадно выпил пиво. – Тебе тоже не помешает, здорово прочищает мозги. – И добавил в ответ на вопросительный взгляд: – В смысле, на голове. Йога. Можем вместе, подумай, Ши-Бон.

– И падать веселей, – заметил Шибаев.

Алик называл Шибаева забытой кличкой из детства – Ши-Бон, больше никто его так уже не называл. Ши-Бон, бей! Ши-Бон, пас! Ши-Бон, вломи им! Здоровенный лоб Ши-Бон бегал по футбольному полю, потный, красный, орущий; девочки восторженно визжали и шептались, а будущий адвокат Алик Дрючин, бледный задохлик, с пальчиком в книжке, чтобы не потерять страницу, с тоской наблюдал с трибуны и завидовал... Нет! Не завидовал. Завидовать можно равному, а Ши-Бон был как солнце! Первый спортсмен школы, девчонки бегали следом, мальчишки хотели дружить, а о том, что есть такой в природе Алик Дрючин... – ну и погоняло! – Ши-Бон даже не подозревал.

Да, было время... Времечко! Вообще, как считал философически настроенный Алик Дрючин, взрослую жизнь часто переоценивают. В молодости что ни день, то новизна, радость узнавания, любопытство: а что там дальше? А если ткнуть пальцем? Или заглянуть в дырку? Бросаешься в жизненные ситуации, как в омут головой, и ждешь подарков и чудес. А потом уже катишься по привычке, взвешиваешь, прикидываешь, просчитываешь варианты. Скучно,

предсказуемо. Но не все так однозначно, господа, – элементы азарта и надежды на чудо имеют место быть, взять хотя бы бесконечные женитьбы адвоката. А кроме того, сколько глупостей делается в зрелом и даже почтенном возрасте, это же уму непостижимо! И особь, совершившая глупость, рвет на себе волосы, кается и кричит, что больше не будет. Вранье! Будет. Мы же не машины, правда? Кроме того, красивые глупости украшают жизнь и отодвигают старость. И называются красивым словом «благоглупости». Хочешь оставаться молодым, сказал один автор, делай глупости. Новые или хотя бы повторяй старые, ежели кризис жанра.

Ну да ладно, это вопрос спорный, а посему оставим философию философам и пойдем дальше.

Почему Ши-Бон, спросите вы. Да еще китаец Ши-Бон. Какой китаец? У Шибаева вполне славянская физиономия. Ши-Бон – по созвучию с фамилией, должно быть, а «китаец» – уже по созвучию с кличкой. Одна девушка считала, что имя Ши-Бон похоже на кока-колу: шоколадного цвета, с пузырьками и шипит. Или на смуглого буддийского монаха в оранжевом... Как называется их одежда? Саронг? Сутана? Одним словом, в этом самом, вроде сарафанчика, с открытым плечиком и черный зонтик над головой. Ох уж эти девушки, такие фантазерки, ей-богу!

Их столкнуло в роковой момент жизни – Ши-Бона и Алика, – когда Шибаев оказался на распутье, а Алик зализывал раны после третьей женитьбы, и оказалось, что им есть что предложить друг другу. Шибаев убеждал, что не конец света, мне бы твои проблемы – ты только не женись всю дорогу, как пацан, дай чувству отстояться, не кидайся как в омут головой. Алик же, доморощенный философ, разводил о полосках, черных и белых, осмыслении и постижении, о позитивном взгляде на все, что с тобой происходит, одним словом, жизнь продолжается, и деваться от нее все равно некуда, а потому закрой глаза, расслабься и получи удовольствие. Они подставили друг другу плечо – Шибаев мощное, Алик хилое. В итоге Алик успокоился и стал встречаться с одной милой барышней, а Ши-Бон превратился в частного сыщика, причем с легкой руки Алика – тот помог с лицензией частного предпринимателя и подвинулся, уступив место в собственном офисе. Теперь они коллеги, сидят в одном рабочем пространстве и по мере сил и возможностей помогают друг другу.

Некрасивая история с уходом Шибаева из полиции... Да какой там уход, вышибли его! Без шума и пыли, без показательной порки по причине прошлых заслуг, а суть та же¹. Некрасивая история занесена навечно в анналы, сидит занозой, ноет, царапает, и время эту занозу не берет. Это крест, который тащить вечно. У каждого имеется такой крест. Или почти у каждого. Крест – веха на неудачно выбранном жизненном повороте, в силу недомыслия, жадности, глупости, нехватки времени, чтобы сесть, подумать хорошенько и взвесить – черт под руку толкал, не иначе. Или просто случайность – так карта легла.

У Алика Дрючина своя квартира – не чета шибаевской двушке, но одному ему там скучно, и время от времени он переселяется к Шибаеву, даже пижаму принес и любимую косметику – у него слабость ко всяким лосьонам, дезодорантам и кремам для бритья. И духи у него вонючие, считает Шибаев, бабские.

Он не против, ему тоже веселее с Аликом, тем более адвокат постоянно подставляется, и потоптаться по его хребту – одно удовольствие. То у него новая любовь, то новый парфюм, то галстук дикой расцветки, одним словом, набирается по мелочам. Алик не обижается. Вернее, пропускает выпад мимо ушей, так как вечно пребывает в полете мысли – обдумывает очередную статью по правоведению или сидит в соцсетях, а также отвечает на вопросы юридически озабоченных. В свое время он мечтал преподавать в вузе, стоять за кафедрой или расхаживать перед молодняком туда-сюда, размахивая в такт шагам трубкой, и снисходительно

---

¹ Роман «Голос ангельских труб».

назидать, но, увы, не случилось. Зато теперь Алик – известный адвокат по бракоразводным делам, у него солидная репутация и собственный сайт с картинками.

У Шибаева тоже своя страница в сетях, экономная, деловая, без художественных излишеств, и фотка детектива фигурирует там исключительно по настоянию Алика, который уверен в шибаевской неотразимости; причем там не только неотразимость, а еще мускулы и сила, что вкупе гарантирует надежность и результат. Мускулы и сила – для клиентов-мужчин, неотразимость – для дам. Впрочем, мускулы и сила для дам тоже. Шибаев долго сопротивлялся «торговле мордой», как он это называет, но у Алика богатый опыт уламывания упертых. Кроме того, в отличие от Шибаева он знает, что такое продуктивная реклама, а потому, как Шибаев ни фыркал, свою личность на сайт он все-таки поместил, хотя и не в предлагаемых количествах, как того требовал Алик: в засаде с пистолетом наперевес; в офисе за компьютером, имея лицо строгое и задумчивое; за чашкой кофе с сигаретой в небрежных пальцах и горькой улыбкой человека, познавшего несовершенство человеческой природы, – а лишь одну, в темном костюме, правда, без галстука и никакого вам гламура или обещающих улыбок, и взгляд слегка исподлобья. Шибаев – суровый мужик в отличие от тонкого и трепетного Алика, который представлен на сайте в разных позах, облачении и интерьерах. Может, оно и правильно, так как задачи у них по жизни разные. Тем более свою работу он ненавидит всеми фибрами души за ничтожность задач и необходимость общаться со всякими сомнительными личностями, потому и взгляд исподлобья. И вообще, жизнь такая.

Комментарии благодарных клиентов – тоже идея неугомонного Алика. Пишут в основном женщины. *«Я от всей души благодарна за помощь частному детективу Александру Шибаеву. Его профессионализм, отвага, храбрость, умение распутать самые сложные преступления дарят людям надежду. Спасибо, что ты есть на земле, Александр Шибаев! Зоя М.»*. Или вот еще: *«Дорогой мой человек! Александр Шибаев! Я многодетная мать, много страдала от несовершенства этого мира и уже потеряла всякую надежду, но такие, как ты, заставляют поверить в победу добра и разума! Желаю тебе большого человеческого счастья на твоём трудном жизненном пути. Олеся Ивановна Д.»*. Или: *«Александр Шибаев – просто хороший Человек с большой буквы! Таня Зуек»*. И так далее. Комментарии сочинял под настроение сам Алик Дрючин, чтобы подбодрить Шибаева и разогреть потенциальных клиентов. Кроме того, ему вообще нравилось сочинять. Шибаев, на счастье Алика, его писанину в глаза не видел, а клиенты, увы, разогревались не очень. Дела, которыми приходилось заниматься, были мелкими, скучными и попросту нудными. Неверные супруги, сбежавшие должники, собаки, отравленные подлыми соседями, покража овощей с дачного участка и прокол автомобильных шин. Правда, иногда случались дела посерьёзней и запутанней, и тогда Шибаев воспарял духом, носился днем и ночью как метеор и был счастлив.

– Тебе нужно стоять на голове – Алик оторвался от пива. – Кровь приливает к мозгам, и быстрее соображаешь. Ты не представляешь себе, Санек, чего только не приходит на ум, пока стоишь на голове! Ты не поверишь! Сначала, конечно, трудно, но после нескольких занятий...

Шибаев поднялся и молча вышел из кухни, прихватив жестянку с пивом.

– Чудак-человек. – Алик пожал плечами, поднялся и потащился следом за другом. – Я же хочу как лучше, а ты сразу в позу, – сказал он, стоя на пороге. – Кстати, тебя Паша Рыдаев искал. Твой мобильник не отвечает, в офисе тебя нет. Он вышел на меня, а я не знаю. Соврал, что ты на задании, потому и мобильник вырубил, чтобы не засветиться. В смысле, сидишь в засаде, а тут мобильник! Спрашиваю, в чем дело, а он говорит, дело конфиденциальное, нужно с глаза на глаз, а тебя нигде нет. Позвони ему!

– Даже не намекнул? – заинтересовался Шибаев.

Паша Рыдаев – мэтр Рыдаев – был самым крутым городским адвокатом по криминальным делам, человеком не без таланта, но вполне бессовестным, способным отмазать любого – слышите? любого! – подонка от заслуженного наказания. Гонорары он брал баснословные,

но дело свое знал. Шibaев раньше пересекался с ним по службе, раза два или три, и всякий раз с трудом удерживался, чтобы не набить Рыдаеву физиономию за изворотливость, манипуляции, нахальство и откровенное вранье. Но в то же время он не мог не признать, что Пашка Рыдаев – крутой профи и дело свое знает.

– Я спрашивал, он не сказал, говорит, дело конфиденциальное, – повторил Алик. – Позвонишь?

– Ты же сказал, он сам позвонит.

– Я бы позвонил. Пашка за мелочовку не берется, сам знаешь.

Алик умирал от любопытства, но знал, что подталкивать Шibaева не нужно, так как ни к чему хорошему это не приведет. Шibaев был крепкий орешек, иными словами, он был, выражаясь высоким штилем, *«уперт как осел, одержимый духом противоречия»* – цитата из сочинений адвоката. Кроме того, детектив в последнее время был раздражен, депрессивен и мрачен, а когда он в таком состоянии, от него лучше находиться подальше и свое мнение держать при себе.

Шibaев молчал, раздумывая. Звонить Рыдаеву ему не хотелось из того самого духа противоречия – культовый адвокат, как уже было упомянуто, ему не нравился, но! Но, с другой стороны, он изголодался по настоящей работе, и кто знает, что Пашке нужно, может, речь пойдет о чем-нибудь стоящем.

– Я купил отбивные, будешь? – Алик дипломатично перевел разговор на бытовую тему. – Можно сварить картошки или макарон.

– Ага, – рассеянно отозвался Шibaев, все еще в раздумьях. – Давай картошку.

– Накрывай на стол, – строго сказал Алик.

В их общежитии действовал «морской закон»: один готовит, другой накрывает на стол, а потом моет посуду. И наоборот. Убирали они тоже по очереди, Алик даже повесил на кухне красочный график уборки подведомственной территории и выноса мусора, которому они следовали от случая к случаю. Когда-то уборкой занималась бывшая супруга Шibaева, считавшая, что без нее он пропадет. Ее грела мысль, что лучшие годы Шibaева остались позади и связаны с ней, Верой, и что он локти кусает, отпустив ее, и ничего хорошего от жизни уже не ждет. Ей было немного стыдно за свое новое счастье, и она время от времени забегала к бывшему мужу приготовить обед и помыть полы. А также убедиться, что свято место пока пусто, в смысле, у бывшего нет постоянной вертихвостки. Но благодарности не дождалась – Шibaев мытых полов не замечал, котлеты съедал холодными и запивал пивом. Кроме того, она не жаловала Алика, и однажды тот сказал, что котлеты можно купить и в магазине, а пол они и сами вымоют, подумаешь! Сказал между прочим, ни к кому не обращаясь, изогнувшись и почесывая сувенирной ручкой между лопатками, – в тот момент он сочинял очередную статью из серии «Правовой ликбез». Шibaев внимательно посмотрел на Алика и кивнул. А на другой день купил и вставил новый замок. Вера потребовала было ключ, но Шibaев сказал: у тебя своя жизнь, у меня своя, за что был обозван в сердцах неблагодарной скотиной. Досталось и адвокату – его Вера обозвала бледной спирохетой, что было вовсе уж не уместно и не справедливо. «А я при чем? – удивился и обиделся Алик. – Ты муж, хоть и бывший, а я при чем? Вообще, она у тебя... э-э-э... амазонка! Точно, амазонка. Амазонки убивали сексуальных партнеров, представляешь? Переспит с ним, а наутро откусит ему голову, как самка богомола. Чистое зверство. Вот и твоя Вера вечно тебе голову...» – Алик резанул ребром ладони по горлу.

Шibaев пожал плечами и промолчал, обсуждать бывшую супругу ему было неинтересно.

– Не в прямом смысле, конечно, – продолжал Алик, которому хотелось поболтать. – А в смысле, пилила и проедала, и то не так, и это. А вообще я думаю, что вы напрасно развелись, понимаешь, любой брак – это узаконенное насилие одного из супругов над другим, так что женись ты хоть сто раз...

Алик махнул рукой. Сам он был женат уже четыре раза, и всякий раз жены его оказывались женщинами сильными, упрямыми и решительными, и Алик перед ними пасовал. То есть не всякий раз, а всего три. Один раз ему попалась женщина слабая и нежная, и Алик до сих пор не понимал, почему они расстались. Наверное, в отношениях с ней недоставало драйва, с ней и поссориться толком было нельзя, так как она все время уступала и плакала. Все-таки мы, мужики, дураки, сказал однажды Алик Шибаету. Ну чего мне, дураку, не хватало? Тишь, гладь, божья благодать, а мы постоянно ищем приключений на свои полушария, а потом каемся.

– Ты только не женись всю дорогу, – попросил Шибаету.

– Не буду, – пообещал Алик. – Я уже все понял.

– Ну-ну, – ответил Шибаету.

...Оба вздрогнули, когда взорвался Аликов мобильник. Они сидели за столом, хорошо сидели: отбивные, пиво, маринованные огурчики, вареная картошечка, и тут вдруг рявкнуло: «Тореадор, смелее в бой!»

– Паша Рыдаев! – подпрыгнул Алик. – На! – Он протянул телефон Шибаету. – Ты, Шибаету, слушай и молчи, понял? Пусть выговорится! Пашка тот еще жук, держи с ним ухо остро, понял? Не подставляйся!

Шибаету, помедлив, протянул руку и взял трубку...

Глава 3

Дела житейские. Противостояние

Ада Романовна отбросила одеяло, тяжело села, опустила ноги на коврик, с силой провела ладонями по лицу. Голова была тяжелой, в висках ломило. Чертово снотворное! На полу поблескивали осколки разбитого стакана. Она с минуту тупо их рассматривала, соображая, откуда они тут взялись. Тщательно обходя осколки, подошла к окну, отдернула гардину. За окном брезжило тусклое утро, мелкие ледяные зерна бились в стекло; едва видимые ветки деревьев раскачивались от шквальных порывов ветра. Конец ноября, хмурое небо и снег с дождем. Конец года как конец жизни. Хотя «погодники» обещали потепление и чуть ли не бабье лето. Промахнулись, похоже. Как всегда.

В дверь спальни негромко постучали.

– Входи! – крикнула Ада Романовна, запахивая халат.

Дверь открылась, и вошла полная женщина средних лет с озабоченным лицом. Это была Вика, домоправительница и доверенное лицо Ады Романовны, работавшая у нее около пятнадцати лет. На ней был дом, прислуга, кухня, гардероб хозяйки и даже некоторые секретарские обязанности: напоминание о визитах к врачу и портнихе, а также отчеты о климате в коллективе и сплетни. Каждое утро в восемь верная Вика стучалась в дверь Ады Романовны с докладом. Ада Романовна была богатой женщиной, ей принадлежал добрый десяток фастфуд-забегаловок «Форель», где подавалась рыба нескольких сортов с различными гарнирами, вроде картофеля фри, немецкого картофельного салата, пюре или риса с яйцом, а также гамбургеры для любителей бигмаков. Вкусно, нельзя сказать чтобы дешево, но вполне адекватно. И напитки: соки, чай, кофе, в том числе совершенно замечательный кофе по-венски. Ада Романовна – женщина-воин, свою империю она создала на пустом месте, не имея ни экономического образования, ни какой-либо поддержки. В мужском мире она действовала мужскими методами: была нахраписта, безжалостна и прекрасно знала, чего хочет. Причем, решая вопросы, она не могла полагаться на внешность – не та у нее была внешность, никаких умильных улыбочек, игры глазками, многозначительных гримасок, а также постели. Все честно: что видите, то и есть. Таких называют в народе бой-баба. Крупная, некрасивая, с грубым, словно вытесанным из камня лицом, она с напористостью торпеды неслась вперед, действуя правдами и неправдами – а как же иначе? С волками жить – по-волчьи выть. Неприятный испытующий взгляд и молчание были ее, так сказать, фирменным знаком. Их выдерживал не всякий. Людей она подбирала по одной ей известным канонам и редко ошибалась. Работать с ней было трудно, но на честный суд оступившийся вполне мог рассчитывать. Главным требованием работодателя было: никакого самоуправства, воровства, утечки информации и небрежности, полная преданность делу. Утечка информации? О какой информации речь, спросите вы. Да сколько угодно! Ну, скажем, рецепты приготовления салатов и рыбы, употребляемых специй, о поставщиках продуктов и планах покупки новых помещений или реорганизации сети. Короче, никакой болтовни, рот держать на замке, на войне как на войне. Возможно, Ада Романовна была излишне подозрительной, но, пройдя путь от посудомойки в вокзальном ресторане до успешного предпринимателя, она имела на это право. Кроме того, она не была болтливой и от подчиненных требовала того же.

– Доброе утро, Ада Романовна, – степенно произнесла Вика. – Как спалось?

– Спасибо, Вика, хорошо. Что у нас?

– Все нормально, Ада Романовна. В одиннадцать придут мастера менять проводку в подвале, там все время проблемы.

– Хорошо. Она встала?

– Еще не выходила, – поджала губы Вика.

Ада Романовна помрачнела. Наступила вязкая тишина.

– Я накрыла в гостиной, как вы сказали, – напомнила о себе Вика.

– Скажи ей, что мы завтракаем вместе, – распорядилась Ада Романовна. – Во сколько она вернулась вчера?

– Около трех ночи, – с гримаской неодобрения ответила Вика.

– А когда ушла?

– В восемь вечера принесли пакет, Света открыла, и она выскочила.

– Пакет?

– Андрей передал документы.

Ада Романовна ощутила приступ привычного бешенства, как было всегда при упоминании «невенчанной» невестки, глубоко вздохнула и задержала дыхание, чтобы восстановить духовное равновесие. Ей пришло в голову, что она сделала глупость... Тина! Дрянная, необразованная, ленивая девчонка! Девчонка... Если бы! Взрослая молодая женщина, и ничего тут уже не поделаешь, воспитывать поздно. Дурацкая идея, а ведь умные люди предупреждали. Но она привыкла поступать по-своему, ну и получила... Огребла по полной, как говорит Андрей. Старееет, видимо, хватка ослабла. Старая немощная волчица... Стала промахиваться. Как тот волк, Андрей повторяет, который промахнулся. Из детской книжки. Не о ней говорит, а вообще. Андрей не показывает вида, приходит посоветоваться, подсовывает идеи и решения... Глупый мальчик! Она прекрасно видит, как он старается удержать ее на плаву. Не дай бог, когда жалеют... Нет! Рано списывать со счетов железную леди! Хватка все еще есть, просто нужно решать головой и десять раз подумать, а не идти на поводу у дурацкой сентиментальности и чувства вины. Вот-вот, не нужно вмешивать чувства. Тина... Тут были одни чувства, а не голова. И решение соответствующее – дурацкое. И Вика намекала... Ну, Вика вроде мебели, говорит много, да не все по делу. Общего языка она с Тиной так и не нашла, и какой смысл продолжать... Одному Богу известно. Уж очень они разные, она – ломовая лошадь, Тина – типичный трутень, причем с амбициями. Фотомодель, прости господи. Пора кончать эту затею, но ни сил, ни желания что-то решать нет. Ада Романовна не узнавала себя, бизнес потерял для нее всякую привлекательность, и заправляет хозяйством теперь Андрей Богданов, которого она десять лет назад рассмотрела на скромной должности водителя рыбного фургона. И Коля его одобрял и помогал, как мог. Рассмотрела, приблизила, выпестовала и выучила; доверяла ему как самой себе. Иногда она думала, что Андрей ей ближе родного сына. Сын... Она привычно вздыхала. И теперь она только делает вид, что все еще в седле, а Андрей, добрая душа, подыгрывает...

Скрипнула дверь, и в щель протиснулась Люка – роскошная персидская кошка с длинной серой шерсткой и голубыми глазами. Она неторопливо подошла к кровати Ады Романовны и едва слышно мяукнула, широко разинув розовую пасть. Когда-то она была потешным котенком, смешно прыгала, пытаясь поймать «солнечный зайчик» – луч маленького фонарика, и Ада Романовна смеялась. Они все смеялись. Люку подарил ей покойный муж Коля...

Длинный парадный стол был накрыт на два прибора – в торце и с правой стороны. Там уже сидела молодая женщина. Ада Романовна тяжело опустилась в кресло и сказала:

– Доброе утро, Тина.

– Доброе утро, – отозвалась молодая женщина. То, что она не обратилась к Аде Романовне по имени, та расценила как дерзость.

– Как ты себя чувствуешь? Как спалось?

– Нормально, – Тина отвечала, не глядя на свекровь, уставясь в стол.

– Ты вчера ушла из дома, никто не знал куда. Мы беспокоились. Впредь, пожалуйста, сообщай, куда идешь. – Она говорила с трудом, почти чеканила слова, как было всегда при виде Тины.

– Я что, в тюрьме?

– Ты не в тюрьме, но в моем доме существуют определенные правила, которым нужно подчиняться. Дверь закрывается в девять вечера, после девяти никто без особой надобности не выходит. Мы это уже обсуждали. Где ты была?

– Встретилась с друзьями. Я никого не вижу, сижу взаперти! У меня есть друзья, они были друзьями Севы, понимаете? Близкие нам люди!

– Такие же бездельники и наркоманы! – не выдержала Ада Романовна, забыв, что пообещала себе сдерживаться.

– Вы не имеете права их судить! – Тина отбросила салфетку. – Вы их не знаете!

– После того, что произошло с моим сыном, имею право!

– Это был несчастный случай! Вы прекрасно знаете, что Всеволод...

– Когда человек не работает, не учится, дни и ночи проводит с... друзьями, такими же бездельниками и наркоманами, это всегда плохо кончается! – перебила ее Ада Романовна.

– Вы его сломали! – закричала Тина. – Он жаловался, что вы шагу не давали ему ступить, он задыхался! Вы пытались контролировать каждый его шаг, вы сдали его в психушку! Вы виноваты, что он умер!

– Я виновата? Ах ты, дрянь! – Ада Романовна даже привстала от возмущения. – Я виновата в том, что не была достаточно твердой и все ему позволяла! Я вкалываю как лошадь, я надеялась, что он будет помощником, я устала, наконец. Я хотела передать ему бизнес...

– Плевать он хотел на ваш бизнес!

– Да? А на деньги вам не плевать?

– Конечно, всегда деньги! Вы только о деньгах и можете! А мы живые люди... Сева мечтал уехать, мы оба хотели уехать!

– На какие шиши? Вы не привыкли работать, но привыкли жить на широкую ногу! За моей спиной! Вы, копейки за всю жизнь не заработавшие! Я не сдала его в психушку, как ты говоришь, я пыталась ему помочь!

– Да как же... Он мешал вам, позорил, вы просто убрали его с глаз долой. Засунули в психушку!

Ада Романовна раздула ноздри, сглотнула, на секунду закрыла глаза. Напрасно она начала разборки, ни до чего они не договорятся, они говорят на разных языках. Она упустила сына, и тут уж ничего не поделаешь. Господи, в чем ее можно винить? Просмотрела сына? Пропустила момент, когда из маленького ласкового мальчика он стал неприятным и грубым подростком? С приводами в детскую комнату? Со скандалами в школе? Она совала всем: учителям, ментам, потом адвокатам, судьям, все надеялась, наступит время, повзрослеет, поймет. Не наступило, не повзрослел, так и остался капризным и грубым... Наследный принц! Коля пытался воспитывать, добрый бесхарактерный Коля, которого сын ни в грош не ставил... Неужели чувствовал ее отношение? Она по-своему любила мужа, но, как бы это выразиться... не уважала за мягкость, неумение постоять за себя. Коля...

В желудке уже поднималась тяжелая тупая боль, предвестница приступа, – закончилось действие болеутоляющего. Ада Романовна невольно прижала руку к животу; наклонила голову, словно прислушивалась. Боль нарастала.

– Ада Романовна, что с вами? Вам плохо? – спросила невестка.

– Позови Вику!

Тина издевательски закричала: «Вика, тебя зовут!», прекрасно зная, что домоправительница подслушивает под дверь. Она не ошиблась – дверь распахнулась и вбежала Вика. Она захлопотала вокруг Ады Романовны: налила воды в стакан, достала из кармана пластико-

вую трубочку, вытряхнула на салфетку две таблетки. Ада Романовна с натугой глотнула, запила водой, откинулась на спинку кресла, пережидая острый приступ боли.

Тина меж тем налила себе кофе и намазывала тост вареньем. Вика метнула на нее осуждающий взгляд, молодая женщина ответила вызывающей улыбкой. Она с хрустом откусила от тоста, запила кофе, громко звякнула ложечкой.

– Иди, Вика, спасибо, – пробормотала Ада Романовна. Она глубоко вдыхала и выдыхала, так было легче переносить боль. Вика вышла и осторожно закрыла за собой дверь.

– Чего ты хочешь? – спросила Ада Романовна.

– Свободы.

– Ты свободна. Я повторяю, здесь не тюрьма. Хочешь – иди работай, хочешь – учись. Я всегда помогу.

– Ага, посудомойкой!

Дерзкий намек на прошлое Ады Романовны не остался ею незамеченным.

– А что ты еще умеешь?

– Я была фотомodelью! Я снималась! Да что вы в этом понимаете... Это не ваше торгашество, это... это искусство! Я уеду! Я решила, меня зовут...

– Никуда тебя не зовут, не ври, – перебила свекровь. – Посмотри на себя! Пойдешь по рукам... – Этого не следовало говорить, но было поздно.

– Да лучше по рукам, чем с вами!

– Да как ты смеешь! – Ада Романовна вскочила. – Убирайся! Я тебя не держу!

– Послушайте, давайте договоримся по-хорошему, – сбавила тон молодая женщина. – Зачем портить друг другу кровь, вы богатая женщина...

– Сколько ты хочешь? – Этого тоже не стоило говорить, она ничего не должна этой...

– Что значит деловой подход! – В голосе невестки прозвучала издевка. – Я подумаю, Ада Романовна. Я все взвешу, и мы обсудим.

Ада Романовна молчит, боль становится невыносимой. Она побледнела, на лбу выступили бисеринки пота. И тяжелое тоскливое чувство появилось, уже не в первый раз, что эта молодая волчица ей не по зубам. Она промахнулась, как волк из детской сказки, и продолжает промахиваться. Старая беззубая волчица...

Тина наливает себе вторую чашку кофе.

Глава 4

Деловое предложение

Мэтр Рыдаев, несмотря на пижонский вид – шикарный серый костюм, синяя бабочка в крапинку, плащ на норковой подстежке, – оказался вполне своим парнем. Жидкий хвостик седых волос, перетянутый кожаным шнурком, придавал ему вид богемный, несколько несерьезный и удивительно компанейский. Шибаев, заранее настроившись на неприятие адвоката, нехотя признал, что держится Пашка по-дружески, коньячок принес приличный, даже то, что он сказал – а чем это у вас так вкусно пахнет, а то я с утра не жрамши, – было опять-таки довольно мило, по-домашнему. Алик даже подмигнул Шибаеву – смотри, мол, и учись! Пашка Рыдаев везде свой. Ага, без мыла влезет, угрюмо подумал Шибаев исключительно из духа противоречия, крепчавшего с каждой минутой. Во-первых, погода достала, снег с дождем и шквальный ветер, продувающий насквозь, а во-вторых, под конец года обострились раздумья о смысле жизни, назначении, «а что впереди», словом, имеет место чистка кладовых памяти и планов на будущее, которые не состоялись. Даже не то что не состоялись, а с треском провалились. Подобные занятия, как вам должно быть известно, не располагают к оптимизму и жизнерадостному восприятию окружающей действительности. Кроме того, мэтр Рыдаев – классово чуждый элемент, а получается, что в данный паршивый момент Шибаев полностью от него зависит, потому что адвокат, как справедливо заметил Алик Дрючин, мелочовкой не занимается. А раз не занимается, то, скорее всего, принес в клюве солидный и денежный заказ. Ты, Санек, помягче с ним, присмотришь, сказал Алик, не кидайся в драку, и я бы на твоём месте сменил прикид. Не дождетесь, буркнул Шибаев. Однако, поразмыслив, отправился в спальню и переоделся – сменил старые рваные джинсы и футболку на новые и синюю рубаху. Сменить-то сменил, но настроение в результате упало ниже нуля, хотя, казалось бы, куда дальше – вырядился как на смотрины. Алик именует это «придать товарный вид» и «торгануть мордой» – то и другое вызывает в Шибаеве протест, как и всякое торгашество. Впрочем, об этом мы уже знаем.

Но все получилось не так страшно. Мэтр Рыдаев не отказался от магазинной отбивной – ел и нахваливал, хотя привык к козырным ресторанам; Алик откупорил бутылку и разлил коньячок.

– За сотрудничество! – воскликнул мэтр Рыдаев, вздымая руку к потолку.

– За сотрудничество! – повторил Алик.

Оба выжидательно смотрели на Шибаева. Он кивнул, преодолевая внутреннее сопротивление: согласен, понимая в то же время, что ведет себя по-пацански. Бизнес, один бизнес, ничего, кроме бизнеса, и ничего личного. Они выпили.

– Ну-с, – сказал мэтр Рыдаев, – приступим к делу.

– Приступим! – подхватил Алик, сгорая от любопытства.

Шибаев промолчал.

– Моя клиентка, Ада Романовна Руданская, обратилась ко мне с просьбой найти хорошего сыскаря для деликатного поручения. То есть человека, способного держать язык за зубами. Я уверен, вам известно, кто такая Ада Романовна. – Он обвел их взглядом и на всякий случай объяснил: – Она очень богатая женщина, ей принадлежат сеть ресторанов «Форель», заводик в области по производству консервов и переработке фруктов, несколько магазинов кулинарии и... так далее.

– Я был в «Форели», – высочил Алик. – Вкусная еда, услужливый персонал...

– Да, у Ады Романовны не забалуешь, характер нордический. Не все выдерживают. У нас с ней иногда возникают разногласия... между нами, девочками, но платит она хорошо. Кроме

того, ее можно переубедить, она способна пересмотреть собственную точку зрения, а это, скажу я вам, ценнейшее качество. Не упираться рогом в стенку... – мэтр Рыдаев мельком взглянул на Шибаева, – а пытаться ее обойти. Ну, это так, лирическое отступление... Восемь месяцев назад умер от инфаркта ее муж, милейший Николай Андреевич, и Ада Романовна тяжело пережила утрату. Два года назад они потеряли сына Всеволода, ему было всего двадцать четыре. Молодой человек нигде не работал, тянул из родителей деньги, пил и, по слухам, употреблял наркотики. Утверждать не буду, не знаю. Но не удивился бы. Я сталкивался с ним несколько раз, вытягивал из передряг, и у меня постоянно было ощущение, что он неадекватен. Он не желал разговаривать, грубил, однажды ударил мать. По моему совету Ада Романовна определила его в частную клинику, он два раза сбежал оттуда. Один раз сильно избив охранника, что влетело Аде Романовне в копейку. В итоге два года назад он умер в каком-то сомнительном месте, где собиралась их тусовка, а сотоварищи, так сказать, только через сутки сообщили, что он мертв. Я был там по просьбе Ады Романовны и ужаснулся: грязь, вонь, какие-то тряпки, побитая мебель, и в этом притоне наш наследный принц. Николая Андреевича смерть сына подломила, и он мгновенно постарел, скукожился, и я опасался, что он что-нибудь с собой сделает. Он не хотел жить, и господь Бог сжалился, прибрал его. Ада Романовна осталась одна.

В свое время я позволил себе дать ей совет. У Всеволода была подруга, такая же безбашенная девица по имени Тина. Когда я с ними разбирался, то узнал, что она якобы беременна. Считалось, что от Всеволода. Вопрос это спорный, принимая во внимание их нравы. Но, как бы то ни было, исключать такую возможность я бы не стал. Я тогда еще доложил Аде Романовне, что скоро у нее будет внук, но она и слышать не хотела ни о девице, ни о «выродке». Знаете, родителям всегда кажется, что их чадо сбили с пути злые люди, они готовы винить всех, кроме себя.

Это предисловие, так сказать. После смерти Николая Андреевича я имел с Адой Романовной серьезный разговор. К моему изумлению, она спросила о «той девице» и ребенке. Она попросила меня найти их и привести к ней. Я позволил себе спросить зачем. Она долго не отвечала, потом сказала, что почти каждую ночь видит во сне Колю и Севочку... К чему бы это? И ей пришло в голову, что этот ребенок может быть ее внуком. Я был поражен! Ада Романовна – человек из железа, а тут вдруг какие-то сны, какое-то кликушество, право слово! Она очень переменялась в последнее время, и хоть головку держит, меня, старого воробья, на мякине не проведешь. Сдала наша железная леди, сдала. Может, поняла, что не хлебом единым, что деньги – хорошо, а семья лучше. А семьи-то в полном смысле у нее никогда не было. Она вкалывала тридцать шесть часов в сутки и... и так далее.

Шибаев нетерпеливо шевельнулся, но промолчал. Он слышал, что Паша Рыдаев тот еще трепач, но не предполагал, что до такой степени. Он привык, что его клиенты приходили и излагали суть вопроса за пару минут, а потом он задавал вопросы, а они отвечали, и, как правило, никто из них не обладал ораторскими навыками.

– Ты хочешь, чтобы мы нашли их? – вылез Алик, также сгоравший от нетерпения. – Найдем! Давай исходные данные.

– Нет, мой друг, это было предисловие, – ухмыльнулся мэтр Рыдаев. – Я нашел эту женщину, ребенка у нее нет – после смерти Всеволода, по ее словам, у нее случился выкидыш. Лично я думаю, что она не была беременна, это была попытка выдурить из моей клиентки деньги. Во всяком случае, на учете по беременности она нигде не состояла. Но Ада Романовна вообразила себе, что если бы она в свое время признала ее, то, возможно, и выкидыша не было бы, родился ребенок, внук... и так далее. Знаете, когда человек начинает каяться... потребность такая вдруг накатывает, особенно под занавес, он казнит себя за всякое сгоряча брошенное слово, жест, даже мысль, не говоря уже о делах. Не могу объяснить себе механизм этого явления, но наблюдал его неоднократно. Просто поразительно, как легко ломаются эти негибкие и сильные! Короче говоря, она забрала эту девицу к себе, хотя я был категориче-

ски против. Ну, дала бы денег, наконец. Вступать в какие-то родственные отношения – несомненный перебор и глупость. Я оказался прав, ничего хорошего из этого не вышло. Ну да ладно, суть не в том. Все вышеизложенное, так сказать, введение в курс дела для полного охвата панорамы. Понимаю ваше нетерпение, други. От вас... от господина Шибаева мне нужно нечто другое. – Мэтр Рыдаев замолчал и потянулся за бутылкой. Алик и Шибаев переглянулись.

Они выпили.

– Ада Романовна удивительная женщина! Боец! Пахала всю жизнь как вол, и в ней всегда было мало от женщины. Но организм требовал, и она иногда допускала до себя кого-нибудь из подчиненных. А когда забеременела двадцать шесть лет назад, решила, что ребенку нужен отец. Отец на тот момент был женат на другой женщине и ожидал ребенка – по слухам, мальчика. Ну, для Ады Романовны такая мелочь – не помеха, она его из семьи выдернула и женила на себе. Николай Андреевич, тишайший, деликатнейший... другими словами, малодушный и бесхребетный человек, спец по холодильным установкам, побарахтался немного, как мне рассказывали знающие люди, да и пошел ко дну. Кое-что до меня доходило – говорят, бросил жену и будущего ребенка; Ада Романовна выделила ей какую-то сумму и позаботилась, чтобы эта женщина навсегда исчезла с глаз долой.

Сын Всеволод оказался неудачным, как я уже упомянул, и умер в каком-то грязном при-tone два года назад. Николай Андреевич умер от сердечного приступа спустя год с небольшим, и оказалась Ада Романовна на бобах. Одиночество и чувство вины кого угодно достанут. Сгоряча разыскала девку сына, хотя я предупреждал, что не нужно. Отмыла, придела, попыталась приохотить к делу. Облом! Девица оказалась негодным продуктом, – он махнул рукой. – Теперь у моей клиентки новая идея: разыскать сына Николая Андреевича, пасть в ноги, вымолить прощение, сделать наследником и передать империю. При условии, разумеется, что принц того стоит. Где этот парень – одному Богу известно. Его-то и нужно найти, господи, – он неожиданно серьезно смотрел на Алика и Шибаева. – Возьметесь?

– А что ты сам об этом думаешь? – спросил Алик.

– Индийское кино отдыхает. А с другой стороны... – он на миг задумался. – Я по натуре скептик, но черт его знает! Если он приличный человек, то почему бы и нет? Для духовного успокоения Ады Романовны и восстановления попорченной справедливости... Пусть отмолит грехи, если ей так приспичило. Тем более никого из близких у нее больше нет. В случае чего растащат бизнес прихлебатели и всякое жулье, жалко.

– Что известно о брошенной жене? – спросил Шибаев. – Он поддерживал с ними связь? Помогал? Возможно, виделся с сыном?

– Насчет связи не знаю, но... сомневаюсь. У Ады Романовны рука тяжелая и нюх как у овчарки, с ней не забалуешь. Шаг в сторону – пуля! А Николай Андреевич был человек слабый. Говорят, весельчак был по молодости, женщин любил... Я его узнал уже очень молодым и невеселым человеком, и невольно в голову мне пришла мысль, что Ада Романовна его сломала. Взяла как игрушку в руки, сжала, а внутри что-то щелкнуло, и механизм испортился. И перестал наш петрушка скакать и радоваться жизни. Его сожрало чувство вины, полагаю. Но это опять-таки лирика, господи. Это мое, так сказать, видение, не претендующее на подлинность, с позволения сказать.

– Ну, хоть какие-то исходные данные есть? – спросил Шибаев. – Девичья фамилия брошенной жены... Обиженные дети часто переходят на фамилию матери. Свидетельство о первом браке, о разводе.

– Что-то должно быть. Парню сейчас около двадцати шести-семи, если он, конечно, жив. Вполне вероятно, он ровесник Всеволода, разница – не более нескольких месяцев. Но ни за что нельзя поручиться, как вы понимаете. – Он помолчал и потом спросил: – Значит, по рукам? Я представлю тебя Аде Романовне, заключим договор, все честь по чести. Отчитываться будешь перед ней, регулярно, но! – мэтр Рыдаев поднял указательный палец. – Но сначала

обсудишь со мной – будем вместе решать, что делать дальше. Доверия к Аде Романовне у меня нет, железная леди поплыла и на глазах теряет хватку. Хватит мне Тины... так называемой невестки. И еще одно, в качестве дружеского совета. Ада Романовна – женщина рачительная и скуповатая, она будет драться за каждую копейку, не потому что денег нет, а исключительно из принципа. Торговля-с, господа, ничего не поделаешь. Потому стой на своем: накладные расходы, транспорт, запросы, подкуп официальных лиц, не считая основного гонорара – столько-то и столько. Я скажу, сколько следует запросить. Мы составим план действий и вперед!

Мэтр Рыдаев непринужденно перешел на «ты», и Шibaев спросил себя, должен ли он последовать примеру адвоката...

Глава 5

Тина и призраки

Тина бесшумно провернула ключ, приложила ухо к двери, прислушалась. В доме было тихо. Она все стояла, опираясь плечом о дверь, замерев, превратившись в соляной столб. И вдруг резко распахнула дверь и выскочила в коридор. В доме стояла тишина, горели слабые ночные светильники. Коридор был пуст.

– Куда же он делся? Чертов дом! Ну ничего, ничего, скоро уже... – бормотала она, запирая дверь. – Интересно, какая это сука лазит по ночам?

Светка говорит, не иначе, как души с кладбища. Тина невольно оглянулась на зашторенное окно. На миг замерла, метнулась к выключателю. Погасла люстра и наступила темень. Тина на цыпочках подошла к окну, отодвинула тяжелую штору. Поляна перед домом была слабо озарена синеватым светом фонаря в стиле ретро. Сцена для зомби! Там никого не было. Ей показалось, что шевельнулись кусты сирени, она отшатнулась и поспешно задернула штору.

Достала из тумбочки бутылку коньяку и хрустальный стакан. Налила, подошла к зеркалу. «Твое здоровье, Тинка!» Она подняла стакан, подмигнула своему отражению: «Жизнь продолжается! Пробьемся!» Выпила, сморщилась, задержала дыхание, с шумом выдохнула. Достала из кармана халатика шоколадку.

Затрепыхался серебряный мобильный телефон в розовом футляре с блестящими камешками. Тина вздрогнула и снова взглянула на дверь. Схватила сверкающий аппаратик, прошептала:

– Аллю. – С облегчением произнесла: – Ирка, ты чего ночью? Дня мало? Чего тебе?

Она минуту слушала, а потом закричала:

– Я в норме! От этого дома у меня крыша едет! Ну, приняла капельку, ну и что? Ты бы побыла в моей шкуре... Два месяца, а кажется полжизни! Да не могла я сегодня! Эта сука приказала меня не выпускать, представляешь? Чисто тебе тюрьма народов. Воспитывает, блин! Ну, ничего, недолго осталось, я ее дожду. Она поплыла... Посмотрим, кто кого! Я свое возьму. А потом... Ой, Ирка, мне бы только выбраться отсюда с баблом! Чертов дом... вообще все! Глаза б мои не видели! Вика, ее шестерка, сучка, всюду сует свой нос, подглядывает, доносит. Обыски у меня устраивает. Они все меня терпеть не могут. Светка, горничная, вроде ничего, но страшная дура. Вечно несет всякую хрень насчет старых могил, оглядывается, шепчет... Днем смешно, а ночью мороз по коже. И главное, шаги! Ночью все время кто-то лазит по коридору! Я полчаса назад выскочила – никого! Да что же это такое, думаю! У меня уже глюки пошли, слышится всякая фигня, ты не поверишь! Чего?

Она слушала еще минуту, потом опять закричала:

– Откуда я знаю сколько! Пока не получу на жизнь. Ничего, она тетка богатая, теперь ее совесть мучит, что Севку со свету сжила – больше даст. Севка... А хорошо мы тусили, помнишь? Знаешь, по-моему, у нее с головой проблемы. Светка говорит, она ночью разговаривает с мужем и Севкой – им Вика по секрету сказала. Плачет, кается... И музыка! Откуда я знаю, какая! Из музыкальной шкатулки! Лично я не слышала, а Светка говорит, прямо волосы дыбом. Ну, Светка – та еще дура! Ой, подожди, опять эта зараза там ходит, – прошептала она. – Я сейчас!

Тина на цыпочках подкралась к двери, бесшумно провернула ключ. Повторилась давешняя сцена. Она распахнула дверь, выскочила в коридор. Пусто!

– Никого! – с досадой сказала она в трубку. – Опять никого. Сама ты ку-ку! Тут у кого хошь крыша сдвинется... Но я же слышала! Что я, вообще, по-твоему? Ладно, пусть ходит, не жалко. Главное, дверь запереть. Какое, к черту, привидение? – закричала она. – Ты что,

совсем? Мертвяки не ходят, живых надо бояться. Светка говорит, плохое место, гнилая земля, когда-то кладбище было. Всегда холодно, а теперь она еще и экономит... Конечно, всю домину обогреть никаких бабок не хватит. Вот и приходится греться... – она хихикнула. – Ну, ништяк, мы с тобой скоро отметим мое освобождение. Как там наши? Глеба Ростик? Женился? Да ты что! На ком? На Ленке? Она же уродка!

Девушки болтали еще примерно час. Ирка рассказывала новости, Тина живо комментировала. Она вышагивала по комнате, размахивала в такт рукой, подливала себе коньяк, пила за здоровье подружки, за успех, за стоящих мужиков, за любовь. За упокой Севки... Пусть земля ему пухом, нормальный мужик был и не жадный, правда, с закидонами... Да сейчас все с приветом! Вся семейка с закидонами... Мамаша вот тоже. Она бросала взгляд на фотографию в серебряной рамке на тумбочке. И за Колю – *ейного* мужа, которого э-э-э... эта... этот изверг свел в могилу. Светка говорит, добрый был, размазня, ни рыба ни мясо, вот она его и гнобила. А после смерти Севки, говорит, чисто потерялся. А теперь они вместе приходят к ней, а она опр... ор... оправдывается. Ночью! Бр-р-р... Кошмар! Так ей и надо! А утром на ногах не держится, худая, зеленая, шмотки висят, как на вешалке, ходит, за стенку цепляется...

Она потянулась за бутылкой.

– Мы завтракали сегодня, так она зудела, воспитывала, – вспомнила с хохотом. – Не сдержалась, наорала. Она ж меня ненавидит! Припадок начался, аж скорчило ее. Смотрит на меня, в глазах ненависть, могла бы, живьем сожрала! А я ей с усмешечкой: «Ада Романовна да Ада Романовна, как скажете», а ее прямо колотит, прямо корчит. Так ей и надо, садюге! Вика прибежала, шестерка драная, на меня волком зыркает, ей таблеточки сует... А я как ни в чем не бывало... э-э-э... ноль внимания, пью себе кофечек, тостик, джем... А эту падлу, которая по кор-р-ридору, я вычислю! Ты меня, Ир, знаешь, я как что задумаю... Я засаду устрою... а чего? Тут шкаф стоит здоровенный, китайский, в драконах – пустой, я проверяла, только дверцы сильно скрипят. Ой, да брось ты! Какие погубленные души? Меньше туфты смотри про экстрасенсов. Ты думаешь, я совсем с катушек слетела? И Светка говорит... Неспроста, сразу поверила, говорит, запирайся на ночь... Ну и дурища! Носит же земля таких дур! Кто? Светка в коридоре ходит? – Тина расхохоталась. – Может, и Светка! Как луна, так ее и водит, а потом ни фига не помнит. А что, нормальненько! Ага! Точняк!

Тина снова подошла к двери, прижалась ухом, прислушалась. Из трубки долетало чирикание, и она досадливо поморщилась – Ирка ей надоела. Буркнула, перебивая:

– Ну ладно, привет, подруга! Я баиньки.

Она выключила телефон, прилегла на неразобранную постель. Щелкнула пультом, вспыхнул экран на стене. «Побегала» по каналам, чертыхнулась. Снова взяла телефон. На той стороне ответили не сразу, похоже, спали.

– Алло, кто это? – прошептали в трубке раздраженным шепотом. – Дня мало?

– Привет! – сказала девушка. – Не спишь? Соскучилась вот, решила позвонить. Как жизнь? Не рад? Ты дома? А я пока здесь. Старуха пообещала решить мой вопрос, и разбежимся, как в море корабли. Скорей бы. Я сказала, модельный бизнес. Я хочу студию! Мне чихать, сколько! Это ее проблемы. Все отдаст, и тогда мы с тобой... Тогда мы с тобой! Пусть только отдаст!

Она замолчала, слушая недовольный бубнеж человека на той стороне. Потом закричала, вскакивая:

– Что значит, сколько сейчас времени?! Что за дурные вопросы?! Когда хочу, тогда и звоню! Что, семейство проснулось? Да пошел ты!!!

Она так и уснула – в халатике, с телефоном в руке, на неразобранной постели...

Глава 6

Женщина в тумане

*И вдруг за ветвями
Послышался голос, как будто не птичий,
Он видит птицу, как пламя,
С головкой милой, девичьей.*

Н. Гумилев. Дева-птица

– Известно ли тебе, друг мой Ши-Бон, почему народ боится черных кошек? Причем почти во всем мире? – спросил в одно прекрасное утро адвокат Алик Дрючин частного детектива Александра Шибаева. – Все такие разные, а черных кошек боятся одинаково.

Вообще-то утро было не прекрасное, а так себе – серое и холодное, дождь, правда, прекратился. Но зато ветер завывал как по покойнику и с размаху бил в оконное стекло.

Они сидели на кухне и завтракали. Алик приготовил яичницу, Шибаев накрыл на стол. Споро, деловито, и никаких тебе нудных замечаний насчет тупого ножа, некому починить, нет мужика в доме, чашка не мыта со вчерашнего вечера или ночи – если гоняешь кофеи по ночам, будь добр, вымой за собой чашку, немытая чашка – это тараканы и вообще не комильфо, мог бы и сам догадаться, в приличном доме чашки моются немедленно по употреблении, а где салфетки, я же просила купить, сколько можно говорить, хоть что-то сделай для дома! Хоть гвоздь забей. И так далее, до бесконечности. Радости семейной жизни называется. А у наших героев – тишь, гладь и божья благодать. Но, конечно, бывают нюансы, не без этого. Впрочем, быстропроходящие.

– С какого перепугу черная кошка? – удивился Шибаев, наливая себе вторую чашку кофе. – Приснилось чего?

– Пишу о суевериях разных народов, попросили из «Женщины на работе и дома». Это интернет-журнал, я рассказывал.

– А ты при чем? – удивился Шибаев. – Сменил профиль? Ты теперь спец по женщинам?

– Попросили, говорю. Помнишь торт? Это оттуда. Я написал, поблагодарил... Представился, они и попросили. Борются с суевериями. Вернее, не то чтобы борются, а обсуждают.

– Торт? Конечно, помню. – Шибаев ухмыльнулся. – Как не помнить. Позвонил *до того* или после?

– Опять? – Алик отложил вилку. – Всю жизнь вспоминать будешь?

Торт... Ох уж этот торт! Был такой эпизод в их совместной жизни. На Алика примерно раз в полгода нападал хозяйственный стих, и он затевал то генеральную уборку, то стирку портьер, то покраску оконных рам, то бросался как ненормальный разбирать антресоли, чихая и поднимая клубы пыли. Иногда ударялся в кулинарию, смотрел разные «Готовим вместе», «Легко и вкусно», «Учимся питаться правильно» и записывал рецепты в специальную книжечку, которая хранилась в ящичке кухонного шкафчика. А также переходил с кофе на травяные чаи. Шибаев по утрам иронически хмыкал, наблюдая, как Алик давится хлопьями или овсянкой, жарил себе яичницу с ветчиной, круто солил, поливал кетчупом, запивал крепким кофе и заедал здоровенным куском хлеба с маслом. Он с удовольствием жевал яичницу, а Алик хрустел листиками салата, обоняя соблазнительный запах яичницы с ветчиной. Адвокат «давил фасон», как правило, два или три дня, а потом срывался, в чем обвинял Шибаева – жрет, понимаешь, разносолы, вредные для здоровья, и ищет! Кот Шибаева по имени

Шпана тоже жрал разносолы, вредные для здоровья, и категорически отказывался от овсянки, не говоря уже о листиках салата. Вес и количество были на их стороне, и Алик сдавался, тайно радуясь – овсянка ему не нравилась, а от травяных чаев его тошнило. Горько улыбаясь, словно сожалея о несовершенстве окружающей среды, он наливал себе литровую кружку кофе, сыпал туда без меры сахару и лил сливки...

Но иногда, подвязавшись фартуком, Алик перелистывал свою кулинарную книгу и как гурман выбирал *блюдо*. В один прекрасный день дошла очередь до «вкусного творожного торта», готовить который – нечего делать и раз плюнуть. Берешь обычный творог, взбиваешь яйца со сливками и сахаром, добавляешь муки, молока, ванили, изюму... и так далее. И Алик поспешил написать в журнал, настроение накатило быть добрым, похвастаться, высказать большое человеческое спасибо за прекрасный рецепт; кроме того, вообще хотелось болтать. А потом взялся за процесс.

Незамеченный Аликом, Шибаев стал на пороге кухни, когда тот, растрепанный и обсыпанный мукой, пытался взбить сливки с желтками; на столе сидел Шпана, шурился на Алика, лапой подгребал к себе куски творога и, давясь, глотал. Брысь, кричал Алик, замахиваясь на Шпану полотенцем. Шпана и ухом не вел. Алик попытался спихнуть наглого кота локтем, но Шпана увернулся.

– Вы чем это, ребята, занимаетесь? – спросил Шибаев.

Алик пискнул от неожиданности и опрокинул миску. Густая белая лужа растеклась по столу на радость Шпане. Алик, отпихивая Шпану, принялся ладошкой гонять лужу по столу, стремясь вернуть в миску.

– Что у нас на ужин? – спросил Шибаев сдержанно. – Я взял пива.

– Я сейчас! – заметался Алик, хватая помойное ведро. Пожаловался: – Твой кот жрет все подряд! – как будто это было так важно в данный момент.

– Он такой. Что это было?

– Торт!

– Торт? – не поверил Шибаев. – Растешь в моих глазах, Авокадо! Я бы на твоём месте купил, если уж потянуло на сладкое.

Шибаев ухмыльнулся, вспомнив жену Веру, которая, беременная сыном Павликом, ела все подряд: конфеты, шоколад, яблочное повидло и даже сахар.

Он назвал его Авокадо, чего Алик терпеть не мог. Прозвище это Шибаев придумал по созвучию с «абогадо», что по-испански значит «адвокат». Была однажды история с галстуком фирмы «Абогадо» дикой расцветки, подаренным Алику благодарным клиентом...

– Купить! Тебе бы только деньги тратить! – закричал Алик, заводясь, сдирая с себя фартук и бросая в Шибаева. – Не напасешься на вас! Все из-за тебя!

– Да куплю я тебе этот чертов торт! – примирительно пробасил Шибаев. – Успокойся!

– Плевать я хотел на твой торт!

Шибаев хотел сказать... Он много чего хотел сказать, но промолчал. Взъерошенный, обсыпанный мукой Алик не вызывал у него желания оттянуться, тем более тот поскользнулся на белой жиже, стекающей со стола, и, не подхватив его Шибаев, грохнулся бы оземь.

– Да ладно тебе, – сказал Шибаев миролюбиво. – Кто сегодня готовит ужин?

– В холодильнике отбивные, – хмуро ответил Алик. – Доедай давай! – прикрикнул он на кота. – Расселся тут!

– ...Не знаешь? – спросил Алик. – Почему все-таки черный кот?

– Похож на черта, – предположил Шибаев. – И глаза светятся в темноте, как у черта.

– У всех животных светятся, у них в глазах фосфор, я читал. В чертей я не верю. Не в этом дело.

– Тогда не знаю.

- Сдаешься?
- Сдаюсь. Ну?
- Потому что его не видно в темноте!
- Ежу понятно. Ну и..?

– Сдаешься? Тоже мне сыскарь! Да о него же спотыкались все кому не лень! Даже конь спотыкался и сбрасывал всадника. И люди ломали себе руки-ноги. Потому черный кот к несчастью.

– Спотыкались о кота? Он что,дохлый? Версия с чертом нравится мне больше, – заметил Шibaев, подумав. – Он действительно похож на черта. А твое объяснение... – Он пожал плечами.

– Мне про черта тоже больше нравится, – признался Алик. – Черный кот, мистика, злодейство... Кстати, Пашка Рыдаев не звонил? Когда встреча с Форелью? – так он называл владельца фастфудов.

- Звонил и сообщил, что Ада Романовна Руданская заболела, если ты о ней.
- Может, отбой?
- Пашка сказал, в силе. Через пару дней. Что там еще насчет суеверий?
- Кстати, на Востоке черных котов любят. А почему разбить зеркало не к добру, знаешь?
- Дорого стоило? – предположил Шibaев. – Дефицитный товар?
- Разбивая зеркало, ты убиваешь своего двойника.
- В смысле, отражение? И что?
- Ну, ты можешь заболеть или попасть под машину.
- Я и так могу заболеть или попасть под машину. Неубедительно.
- Это же суеверие! – повысил голос Алик. – «Верие»! Верить надо.
- А если не верить, все равно сбудется?

Алик задумался. Потом сказал недовольно:

- Ты всегда все ставишь с ног на голову. Не знаю.
- А ты веришь?

Теперь задумался Алик, пожал плечами:

– Вообще-то дело это темное. Кстати, вот еще насчет зеркала. Уходишь из дома, посмотришь в зеркало.

- Это тоже суеверие?

– Ну! Если просто посмотреться, ну, там галстук поправить, причесаться, то не суеверие, а если с умыслом...

- Как это?

– Надо посмотреться и загадать наудачу. Новый клиент, интересная встреча, даже погода... мало ли. Я всегда загадываю.

- Встреча с кем? С женщиной?

- Ну... да!

– То-то тебе так везет в любви, – хмыкнул Шibaев. – Обязательно посмотрюсь, сегодня же.

...Шibaев, уворачиваясь от ветра, шагал в «Космос» за батарейками к пульту. Он пребывал в принудительном отпуске, так как клиентов у него уже две недели как не было, и придумывал, чем бы себя занять. Можно разобрать бумаги, сходить за батарейками, которые, если подумать, не нужны, старые еще тянут. Еще купить носки и зубную пасту. И Алик попросил... О чем же он попросил? Купить что-то из продуктов. Что? Кажется, сахар. Или соль. Или пиво. Придется звонить. Хотя можно и не звонить, а купить и то, и другое, и третье, в хозяйстве все сгодится.

Народу на улице было немного – прохожие бежали, закутавшись по уши в шарфы, подняв воротники, сунув руки в карманы. Фонари, несмотря на ранний час, уже горели выморочным сиреневым светом. Город заволакивало туманом, который временами переходил в мельчайшую ледяную морось.

Шибает заметил у светофора женщину – она дожидалась зеленого сигнала. Дождавшись, шагнула с тротуара и побежала через дорогу. Черный пикап, не задерживаясь, неся прямо на «зебру». Рефлекс сработал проворнее мысли: Шибает прыгнул следом, захватил женщину сзади и рванул вперед. Пикап не стал останавливаться и, набирая скорость, пролетел мимо. Шибает и женщина не удержались на ногах и рухнули на мокрую мостовую. Он вскочил первым, помог ей подняться.

– Живая? Не зашиб?

– Живая! Спасибо... – Она пристально смотрела ему в лицо и машинально отряхивала испачканную куртку, лицо у нее было испуганным. – Нормально. Если бы не вы... Ужас!

– Куда вам? – спросил Шибает, в свою очередь рассматривая ее. – Проводить?

– Домой... Туда. – Она дернула подбородком. – Ну что вы, не нужно, это рядом. Спасибо. Я... нормально.

– Тогда счастливо оставаться, – сказал Шибает, потрепав ее по плечу. – И смотрите по сторонам.

Он сделал несколько шагов и оглянулся. Она все еще стояла там, где он ее оставил, все еще отряхивала куртку. Движения ее были движениями механической куклы. В тумане бледным пятном угадывалось лицо, полузакрытое капюшоном. Шибает помедлил и пошел назад.

Он снова взял ее за плечо, она судорожно выдохнула и рванулась из-под его руки.

– Это я! Куда вам? Пошли.

Она не протестовала...

Глава 7

Кофе вдвоем

– Здесь, – сказала она. – Мы пришли.

Шибает с удивлением понял, что это офис, и назывался он «Фотогалерея Яна», а в витрине помещалась выставка фотографий. Женщина нашарила в кармане ключ, попыталась отпереть дверь, но не сумела, так дрожали руки. Шибает взял ключ у нее из рук. Толкнул дверь, звякнули китайские колокольчики. Они вошли. Женщина щелкнула выключателем; постепенно накаляясь, зажглась люстра.

– Пожалуйста, располагайтесь. Хотите кофе?

Она смотрела на него все так же пристально и очень серьезно. Шибает кивнул. Только сейчас он разглядел ее. Бледное лицо, серые глаза с необычным перламутровым отливом – он подумал, что это такая косметика или линзы, – узкий рот и острый подбородок. Подобные лица создают впечатление хрупкости и незащитности. У нее были темные волосы, забранные на затылке в хвостик. Она отвела взгляд первой.

– Без сахара, – сказал он ей в спину. Она не оглянулась.

Он расстегнул куртку и уселся на диван. Большая комната была почти пуста. Письменный стол, плоский монитор компьютера, дерево с мелкими листьями в мозаичном керамическом горшке у окна. На полу – багрового цвета плитка с вкрапленными меж крупных квадратов маленькими тускло-золотыми кружками, похожими на старинные монеты. Как застывшая кровь, подумал Шибает, чье ассоциативное мышление отличалось скорее пессимистичностью, чем оптимизмом, на что ему неоднократно пенял записной оптимист Алики. Стены были увешаны черно-белыми и цветными фотографиями. Шибает подошел рассмотреть. Женщины, мужчины, дети, кошки, собаки, птицы. Смеющиеся, плачущие, радостные, хмурые, в дождь и солнце, зимой и летом. Больше всего детей и собак...

Женщина возникла перед ним бесшумно, и Шибает вздрогнул. Она протянула ему чашку кофе:

– У меня есть сыр и хлеб, хотите?

Она, не мигая, всматривалась в него своими перламутровыми глазами, и в лице ее было что-то птичье. Она была дробной и изящной, и походила на... цаплю! Правда, нос был короткий. Цапля с коротким носом.

– Не нужно, только кофе. Вы здесь работаете? – спросил он.

– Это моя галерея.

– Значит, вы Яна?

Она кивнула.

– А вы...

– Александр Шибает. Отличные фотографии! Неужели это все вы?

Она снова кивнула. Вообще говорила она скупой, но мимика была удивительно выразительной. Полуулыбка, приподнятая бровь, склоненная к плечу голова. Даже то, как она встряхивала головой, убирая со лба прядку...

– А вы... – снова спросила она, и Шибает ответил: – Частный детектив.

– Как? – удивилась она. – Частный детектив? Настоящий?

Шибает рассмеялся и отхлебнул кофе. Напиток был крепкий и очень сладкий. Вообще-то Шибает пил без сахара. Он взглянул на женщину. Она уже пришла в себя, на скулах появился румянец. Женщина в ответ продолжала рассматривать его; ее взгляд был странно напряженным, она словно боялась упустить что-то важное.

– Спасибо, – сказал Шибает. – Хороший кофе.

– Правда? – обрадовалась она. – Я не знала, сколько сахара. Нормально?

Озадаченный, он кивнул. Спросил:

– А себе кофе? Или вы только травяные чаи?

Она рассмеялась.

– Нет! Я сегодня уже выпила две чашки, сердце так и колотится. Вот и под машину побежала... Спешила. Холодно! – Она потерла руки. – Все время мерзну.

– Это не вы, это он спешил... дундук! – Шibaев собирался сказать «козел» или даже покрепче, но постеснялся и в последний момент вывернул на «дундука».

– Вы спасли мне жизнь, – заметила она, серьезно глядя на Шibaева. Ему показалось, он стал привыкать к ее пристальному взгляду. Даже в этом было что-то птичье.

– Ну что вы, все не так... плохо. Я думаю, он бы затормозил... – Шibaев так не думал и с удовольствием набил бы этому козлу морду, но ему хотелось успокоить ее. – Погода... да, не радует, скользко, сыро...

– Да нет же! – живо возразила она. – Вы когда-нибудь были в лесу или... или за рекой в такую погоду?

– В лесу? – удивился Шibaев. Он и в хорошую погоду бывал в лесу крайне редко, никогда, можно сказать. Разве что в ранней молодости. – Что ж там хорошего в такую погоду?

– Межвременье чувствуется, переход, понимаете? Ускользание! И ничего нельзя сделать, только надеяться... Стоишь и смотришь: от реки парок поднимается, у берега – тонкий первый лед, мокрый песок, жухлая трава... Черные прутьики ракит торчат. Холодно и печально. У меня есть фотографии, я вам покажу. Такая безнадежность, такая тоска, просто за душу берет. И вместе с тем – надежда, понимаете?

– На что? – по-дурацки спросил Шibaев.

– На что? – повторила она, улыбаясь, глядя ему в лицо.

– Юнкер Шмидт, честное слово, лето возвратится! – брякнул он, недолго думая. Любимое присловье записного оптимиста Алика из глубоко почитаемого Козьмы Пруткова.

– Да, – она кивнула. – Вы извините, я вас совсем в тоску вогнала. Я оптимистка, честное слово! Сегодня мне сказочно повезло: жива-здоровая... Еще кофе?

– Спасибо, Яна. Только без сахара, – сказал Шibaев, глядя ей в глаза.

Она вспыхнула. Легко поднялась и вышла.

– Вы одна тут? – спросил он, когда девушка вернулась с новой чашкой кофе.

– У меня есть тетя Галя, подруга мамы. Она на заказах и еще бухгалтер. И Лесик, фотограф. Это постоянные, а когда много работы, помогают еще двое. Сегодня понедельник, выходной, никого нет. Сейчас работы немного, под Новый год будет больше. Я живу на втором этаже в этом же доме, вход прямо отсюда.

– Удобно, – сказал Шibaев.

– Удобно. После смерти мамы я продала дом в пригороде и купила квартиру. Сначала галерею, а потом квартиру.

«Не замужем, – решил Шibaев. – Все «я»: я сделала, я купила, я, я, я... Прогулки по осенним полям в дождь... Замужние дамы гуляют в других местах. Конечно, одна. Сколько ей может быть? Двадцать три? Двадцать пять? Свой бизнес, в хорошем месте, квартира тоже. А на вид... цапля».

– У вас опасная работа, – вдруг сказала Яна.

– Опасная? – удивился он. Даже в ее манере вдруг перескакивать с темы на тему было что-то птичье. – Не очень... опасная.

– Всякие убийства, преступники... – Она поежилась.

Шibaев рассмеялся.

– Да нет, никаких перестрелок и убийств. Одна проза. Найти человека, должника... Охрана иногда. Любите детективы?

– Читаю иногда. Только без крови, классику. Старых авторов.

– Понятно. Как там дождь? – Он подошел к окну. Сказал, не поворачиваясь: – Яна, вы замужем?

Ответа он не получил...

– И тогда я понял, что она не слышит, – рассказывал Шибаев Алику вечером за ужином, отчитываясь о новом знакомстве.

– Она глухая? – поразился Алик. – Совсем?

– Совсем или не совсем – не знаю! Мне сразу показалось: что-то не так... Понимаешь, она смотрит тебе в лицо, как будто читает. Я сначала не врубился, а потом... Она читает по губам, понимаешь?

– Хорошая девушка?

– Нормальная. – Шибаев пожал плечами. – У нее фотостудия, она фотограф. И квартира наверху.

– Ты был у нее в квартире?

– Нет, я был в студии, то есть в галерее. Наверх она меня не позвала.

– Могла бы позвать, – заметил Алик. – Ты же ей жизнь спас. Такое не каждый день...

Повезло!

– Кому?

Алик задумался.

– Ну, ей! И тебе, я думаю: интересная встреча, глухая девушка. Что она снимает?

– Все. Людей, собак, свадьбы, похороны.

– Глухая девушка, надо же! – повторил Алик и хихикнул.

– Не вижу ничего смешного, – одернул его Шибаев.

– А как же в постели? – хотел сказать Алик, но, посмотрев в хмурое лицо приятеля, передумал. – Красивая?

Шибаев отложил вилку, пожал плечами:

– Обыкновенная.

– Обыкновенная? – Алик был разочарован, ему хотелось романтики. – А глаза какого цвета?

– Серые... кажется.

– Тебя Жанна искала, – вспомнил вдруг Алик. – Ты свой мобильник забыл².

Шибаев смотрел в тарелку. Молчал. Алик открыл рот, но ничего не сказал, почувствовав «нутром», что это именно тот случай, когда молчание – золото.

– Что сказала? – спросил наконец Шибаев.

– Ничего, спросила, как ты. Вы что... насовсем разбежались?

– Она вернулась к мужу, сам знаешь.

– Она бы не вернулась, если бы ты не...

– Хватит! – рявкнул Шибаев. – Сколько можно?

Алик демонстративно положил себе картошки, громко звякнув вилкой.

– Подумаешь! И не надо! – говорил его вид.

– Она звонила неделю назад, – сказал Шибаев.

– Правда? И вы... что?

Шибаев пожал плечами и промолчал.

– А муж?

– Они, кажется, разбежались.

– Опять?! – не поверил Алик. – И что? Она зовет тебя обратно?

---

² История Шибаева и Жанны в романе «Ритуал прощения врага».

– А что бы ты сделал на моем месте?

– Я? – Алик задумался, посмотрел на потолок, перевел взгляд на Шибаева и спросил: – Может, им нужен дельный адвокат по бракоразводным делам?

– Надо было спросить.

– Я же не знал, что они разбежались. У него что, опять новая подруга? Вообще Жанна мне нравилась. Сильная личность. И умная... – Он задумался и добавил: – Правда, для женщины не это главное.

– А что, по-твоему, главное?

– Женственность, нежность, слабость... А Жанна, бывало, как посмотрит, так сразу чувствуешь себя последним ботаником. Поверишь, на меня ступор находил и развивался комплекс неполноценности, сижу дурак дураком, мыслей никаких, молчу как пень. С такой феминной любой мужик – ботаник. Если хочешь знать мое мнение, она улучшенный вариант твоей бывшей, только Вера попроще, а Жанна – экспортное исполнение...

Алика понесло. О женщинах он мог говорить долго, с придыханием, с дурацкими байками из собственного сомнительного житейского опыта, который Шибаев ни в грош не ставил.

– Ну, это как, к примеру, прапорщик и верховный главнокомандующий. Твоя Вера – прапорщик, а Жанна – верховный главнокомандующий. Стройся и шагом марш! Раз-два, левой! Или крась забор, и разговорчики в строю! И в банк заставляла идти охранником, не нравилось ей, видите ли, что ты детектив и свободный художник, рылом не вышел, караул, что люди скажут! То ли дело охранник! Твоя бывшая тоже пихала тебя в охранники, я же прекрасно помню! Бравые ребята и бабки хорошие. Ну почему, почему у них руки чешутся нас исправить? Любите меня, какой есть! Это же любовь, а не исправительная колония! – Алик раскраснелся, протыкал вилкой воздух, даже слегка заикался от распиравшего чувства праведного возмущения. – И что самое главное, – он поднял указательный палец. – Эта тоже меня не одобряла! В смысле, какого расшибена я тут с тобой. Как сговорились. Да какое ваше дело! Помню, как она на меня смотрела... И я сразу понял, что ты опять на те же грабли, извини за выражение. Я понимаю, сильная подруга в мифологии, у какого-нибудь Ахиллеса или Аякса, Зена с мечом, но в наше время... Да к ней подойти страшно – женщина-воин для экстремальных ситуаций, лошадь на ходу остановит и все такое. Знаешь, Ши-Бон, если честно, я даже прикидывал, сколько вы... это самое, ну, продержитесь. Даже сотню поставил, что недолго, а потом...

– И кто выиграл? – сдержанно спросил Шибаев.

– Ха, кто! Конечно, я! Ну, в том смысле, что я оказался прав. У меня опыт, я такого в жизни насмотрелся! Обливают друг дружку дерьмом, бьют морды, одна корова порезала ножницами дорожные костюмы супруга, он ее чуть не прибил, с синяками месяц ходила. Скандалят даже в суде, угрожают... И что в итоге? Что в итоге, я тебя спрашиваю?

– Что?

– А то. Развелись, проходит месяц-другой – и снова вместе! Уму непостижимо. И твоя Жанна тоже... Разбежались они! И сразу тебе звонить, умная какая нашлась! А если у тебя другая женщина, она не подумала?

– Но у меня же нет никого, – возразил Шибаев на диво миролюбиво.

– Но она же этого не знает!

– Ладно, Дрючин, не бери в голову. Как ты себя чувствуешь? Как здоровье? Работа? Как спишь по ночам? Бессонница не мучает?

Тон у Шибаева был подозрительно мягок, и Алик прикусил язык, заподозрив неладное.

– Э-э-э... нормально... Ты чего, Ши-Бон, обиделся?

– Да нет, какие обиды, я же понимаю, у тебя душа за друга болит, ты же не просто так топчешься по его хребту и портишь ему аппетит. Ты с умыслом и лучшими намерениями, тебе же дать хороший совет – это как два пальца, да, Дрючин? Даже если никто твоего гребаного совета не просит?

– Да у тебя все время какие-то идиотские истории с ними! – закричал обиженный Алик. – Ты же романтик, они же тебе на голову садятся, у тебя же все время до гроба! Я же все вижу! И Жанна... А ведь она тебе даже не нравилась сначала. А теперь что? С ума сходишь, не спишь, депрессия заела. Ревность! Сколько можно? Запомни, Ши-Бон, к мужьям не ревнуют. И главное – все молчком, все в себе... как не знаю кто! Поделись, выплесни, тебе же легче станет! Ты недооцениваешь силу участия, все психиатры говорят, надо выплеснуть. О чем вы говорили? – он смотрел на Шибаева круглыми любопытными глазами.

– Ну, все, Дрючин! Ты меня достал! – Шибаев отшвырнул вилку и поднялся. – Я тебе сейчас все выплесну!

Он бросился в спальню, распахнул шкаф и выволок Аликовы вещи. Достал дорожную сумку, запихал туда барахло.

Алик, стоявший на пороге, издевательски захлопал в ладоши:

– Браво! В театре себя не пробовал?

– Вызвать такси или на троллейбусе? – зарычал Шибаев.

– Конечно, вызывай такси. Спасибо.

– Сам вызывай!

Шибаев хлопнул дверью, влетел в ванную, сунул голову под струю холодной воды. Яростно растерся полотенцем. Вышел из ванной. Алик демонстративно громко одевался в прихожей, стучал сапогами, с шумом выдвигал ящики шкафчика в поисках перчаток; нечаянно поддал ногой дорожную сумку. Шибаев, стоя на пороге гостиной, молча наблюдал. Алик делал вид, что не замечает его.

Наконец тянуть дальше стало просто некуда, Алик поднял сумку и пошел к двери.

– Я купил коньяк, – сказал Шибаев. – Будешь?

Алик уронил сумку на пол и спросил, не поворачиваясь:

– Какой?

– Хороший. Допускаю, я был не прав, – проговорил Шибаев.

– Да ладно, – с готовностью отвечал Алик. – Я тоже был не прав. Но я же хотел как лучше, у меня же душа разрывается! Ты же знаешь... – Он махнул рукой. – Доставай рюмки! Я сейчас! – Он схватил сумку и побежал в спальню. – За любовь! – провозгласил Алик, поднимая рюмку.

Шибаев кивнул. Они выпили. Алик закашлялся и схватил кусок хлеба.

– Так чего же она хочет? Жанна, в смысле, – спросил, прокашлявшись. Была в нем этакая въедливая настырность, от которой не увернуться было, которая создавала ему реноме опытного адвоката и крутого профи.

– Не знаю, мы не виделись, – буркнул Шибаев.

– Почему?

– По кочану.

– Душа не лежит? – догадался Алик, сгоравший от любопытства. – Не можешь простить?

Шибаев только вздохнул...

Глава 8

Боевое задание

На другой день позвонил мэтр Рыдаев и сказал, что Ада Романовна ждет Шибаева завтра в одиннадцать у себя, адрес – улица Зеленая, дом шестнадцать.

– Прошу не опаздывать, – строго сказал Паша.

– Буду. Все? – спросил Шибаев.

– Все пока, – важно ответил мэтр Рыдаев. – Постарайся ей понравиться. Она хочет на тебя посмотреть, понял? До встречи.

Шибаев чертыхнулся. Ему не понравился тон Рыдаева, и мелькнула было мысль послать адвоката куда подальше, но, вовремя вспомнив, что в работе застой и стагнация, он смолчал, но пообещал себе, что припомнит Пашке при случае.

Ада Романовна оказалась не похожей на тот образ, который создали себе Шибаев и Алик Дрючин. В их связке Шибаев исполнял роль движущей силы, а Дрючин – роль оперативного аналитика. Он собрал сведения о Форели, как окрестил владелицу кафешек. Согласно показаниям свидетелей и очевидцев, это была здоровенная бой-баба, женщина-воин с мрачным взглядом исподлобья, не терпящая возражений, щедрой рукой раздающая тычки и подзатыльники. А увидел Шибаев старую женщину с растерянными глазами и искусанными от боли губами. Она держала руку на животе, говорила с трудом, и он невольно подумал, что должен поспешить.

– Спасибо, что согласились, – сказала Ада Романовна. – Кофе? Чай? Вика!

Не замеченная Шибаевым пожилая женщина, короткая и толстая, шевельнулась в глубине комнаты.

– Мне кофе, как всегда, – вылез мэтр Рыдаев.

– Кофе. Без сахара, – сказал Шибаев.

Вика вышла.

– Паша рассказал вам, что мне нужно? У моего мужа была семья... Еще до нашего брака он потерял с ней связь. Он умер восемь месяцев назад. Наш сын умер два года назад. У мужа был сын...

Она замолчала, закрыла глаза. Шибаев посмотрел на Рыдаева. Тот кивнул – ничего, мол, все нормально. Выпуклые веки ее были красноваты и дряблы. Шибаеву показалось, она перестала дышать. Совсем плоха, подумал он.

Ада Романовна открыла глаза, они встретились взглядами. Она усмехнулась и сказала твердо:

– Я дождусь, не сомневайтесь. Плохо спала сегодня. Вообще стала плохо спать. Раньше падала без рук, без ног и проваливалась, а сейчас всякие мысли лезут. У меня помощник хороший, Андрюша Богданов, вы с ним должны познакомиться. Вы найдете Колиного сына, иначе... – Она не закончила фразу и махнула рукой.

«...иначе не будет мне покоя», – закончил про себя Шибаев. И еще невнятно подумал, что человек накручивает за свой век негатива, как будто собирается жить вечно, а под занавес приходится платить. Старость и так не радость, а тут еще платить по счетам...

– Возьметесь?

– Возьмусь. Мне нужна информация о вашем муже.

– Конечно, все, что есть. Спасибо. Паша очень высокого мнения о вас.

Шибаев взглянул на Рыдаева, тот подмигнул. Дверь открылась, и вошла Вика, толкая перед собой стеклянную тележку. Она споро переставила чашки и кофейник на стол, красиво

разложила салфетки. Стрельнула острым взглядом в Шибаева. Елейная физиономия и острый неприятный взгляд кольнули диссонансом.

– Паша, достань коньяк, – распорядилась Ада Романовна. – Выпьем за удачу.

– Ты ей понравился, – сообщил мэтр Рыдаев, когда они ехали домой. Пашка давил понты даже во время езды – пару раз поехал на красный, и Шибаев начал злиться. Мэтр Рыдаев ему надоел. Высокомерный, нахальный тип, изображающий начальника.

– Нужно ковать железо, пока горячо, – растекался мэтр Рыдаев. – Завтра встреча с Андрюшей Богдановым, ее правой рукой, обсудим, с чего начать, и вперед. Нам с тобой тоже нужно кое-что обсудить...

– Я выйду здесь, – сказал вдруг Шибаев. – Тормозни!

– Я вечером позвоню! – крикнул Рыдаев ему в спину.

Шибаев сообразил, что он всего в квартале от фотогалереи. Замедлил шаг, раздумывая, стоит ли. Пока он раздумывал, ноги принесли его к знакомой двери. Звякнули колокольчики, и он вдруг подумал, что Яна их не слышит. За столом сидела полная немолодая дама в красном костюме, с легкомысленными седыми кудряшками. Она вопросительно взглянула и улыбнулась. Шибаев поздоровался и спросил: «А Яна есть?», вспомнив, как пацаном-школьником заходил за подружкой Кристиной. Он точно так же спрашивал: «А Кристина дома?» Мобильников тогда еще не было.

– Яночка? Здесь! Сейчас позову.

С любопытством зырая на Шибаева, она взяла трубку и сказала:

– Лесик, пусть Яночка выйдет. К ней тут пришли.

– Да вы присядьте, – пригласила немолодая дама, – она сейчас выйдет.

Шибаев послушно уселся на диванчик. Он чувствовал себя неуверенно и уже не понимал своего порыва. Пришел и что дальше? Он чувствовал удивительную неловкость и с удовольствием сбежал бы, но было поздно. Открылась дверь за спиной дамы с кудряшками, и появилась Яна в голубом халатике с белым воротничком. При виде Шибаева она вспыхнула и приостановилась на пороге. Он поднялся, чувствуя себя дурак дураком, – девушка почему-то вызывала в нем оторопь. Это было не похоже на него, он не боялся женщин. Может, потому, что она... другая, подумал Шибаев. И старуха смотрит...

– Здравствуйте, Яна, – произнес он деревянным голосом. – Вот, шел мимо...

– Ой, я так рада! Я забыла взять ваш телефон, и где теперь вас искать...

«Зачем искать?» – невольно подумал Шибаев.

– Тетя Галя, это Саша, он спас меня позавчера, я рассказывала. Саша, это Галина Николаевна.

Дама всплеснула руками.

– Господи, страсти какие! Мне Яночка как рассказала, так я прямо весь день сама не своя! – Она приложила пухлые ладошки к щекам. – Ужас! Носятся почем зря, лихачат, сколько народу перекалечили! Я сама как дорогу переходить, так дожидаюсь, пока никого нету, и только тогда иду. Они же, ироды, на красный свет лезут! Нет уж, иду, когда никого нету. Мне не к спеху. Мы так благодарны вам, Сашенька!

«Сашенька!» Шибаев с удивлением подумал, что так его давно никто не называл.

– Хотите посмотреть, где я работаю? Там и кофеварка есть... – Она улыбнулась.

Шибаев кивнул. Ему пришло в голову, что он мог бы принести что-нибудь, конфеты или печенье, а то с пустыми руками как-то... Но не успел додумать – звякнул колокольчик, и, к изумлению Шибаева, в холл вошел Алик Дрючин. При виде Шибаева он на миг остолбенел, но тут же нахмурился и деловито сказал:

– Мне фотографию на паспорт.

Шибаев только головой покачал – конспиратор хренов!

Старательно не глядя на Шибаева, Алик подошел к столу и повторил спертым голосом:

– На паспорт, пожалуйста.

– Яночка, позови Лесика! – сказала Галина Николаевна.

– Присядьте, пожалуйста, я сейчас пришлю мастера. Идемте, Саша!

Сопровождаемые «электрическим» взглядом Алика, который прожигал Шибаеву лопатки, они вышли. У Шибаева тут же улучшилось настроение, и он уже не жалел, что появился с визитом. Такое обидно было бы пропустить.

«Ну, любопытная Варвара, ну, жучила, ну, Авокадо! – думал, ухмыляясь, Шибаев. – Ну, погоди!»

Он с удовольствием наблюдал, как Яна возилась с кофе, наливала в чашки, пододвигала вазочку с сухариками. У нее были тонкие запястья и коротко остриженные ногти. Темные волосы она распустила, в полумраке они казались черными. И глаза ее в полумраке казались не перламутровыми, а черными, и оттого что-то тревожное проступило в лице. В комнате не было окон, горела лишь настольная лампа. Мой кабинет, сказала девушка. А там лаборатория – она махнула в сторону низкой двери в углу.

– Я с пустыми руками, – сообщил Шибаев покаянно, – не сообразил.

Он хотел добавить, что не собирался приходить и вообще попал сюда случайно, но подумал, что это может прозвучать как оправдание. Оправдываться он не любил, так как считал слабостью.

Она улыбнулась:

– Не страшно, у меня есть сухари. Я помню, вам без сахара.

Она смотрела ему прямо в глаза; он отвел взгляд первым. Он испытывал неловкость оттого, что она глухая, и подумал, что нужно делать вид, будто он ни о чем не догадывается. И невольно стал говорить громче и медленнее.

– Без сахара, спасибо.

– Я не слышу, – вдруг сказала Яна, с улыбкой глядя на Шибаева. – Это ничего, я привыкла. Мне не мешает, можно говорить нормально. Вы это сразу поняли, правда?

– Не сразу, – пробормотал Шибаев, багровея.

– Осложнение после вирусного менингита, мне было тогда десять лет. Нет, мысли я не читаю, просто у вас лицо... очень выразительное, – она рассмеялась.

Шибаев тоже рассмеялся, почувствовал облегчение. Он с удивлением понял, что выныривает из своей депрессии, как пловец, достигший дна, от него оттолкнувшийся и теперь стремительно возносящийся вверх. То ли рад был снова увидеть Яну, то ли предвкушал, как за ужином вдоволь потопчется по хребту жучилы Алика...

Ужинать Шибаеву едва не пришлось в одиночестве, так как Алик был страшно занят – встреча с клиентом, консультация, то-се.

– Ночевать придешь? – только и спросил разочарованный Шибаев. – Или всю ночь будешь консультировать?

Через полчаса он вышел на связь с Аликом и сказал:

– Иди домой, не валяй дурака. У нас жареная картошка и отбивные. Захвати пива!

Алик забормотал про то, что страшно занят и ну никак, но Шибаев оборвал его:

– Не свисти, Дрючин! Даю тебе двадцать минут!

Алик прилетел через десять. Видимо, гулял поблизости, рассматривая освещенные окна. Шибаев уже сидел за накрытым столом.

– Садись, Дрючин! – с удовольствием произнес он, когда Алик появился на пороге. – Как день прошел? Где был? Что делал?

– Да ладно тебе, Ши-Бон, ну заскочил фотку сделать, мне действительно надо, а ты сразу!

– Не свисти, Авокадо. Фотка ему срочно понадобилась! Покажи хоть, как получился.

– Чего там показывать, фотка как фотка, – буркнул Алик.

Он не был фотогеничен, получался так себе, причем каждый раз по-разному. Ты, Дрючин, прямо шпион, говорил Шибаев. Тебя же невозможно идентифицировать! Разве только по отпечаткам пальцев, да и то не факт.

– Пришел на Яну посмотреть? Так и скажи.

– Ну, пришел. А что, нельзя? Ты же тоже пришел. Ты что, запал на нее? А Жанна как?

– Я пришел по-дружески узнать, как она, а тебя там не стояло.

– Да ладно врать! Я видел, как ты на нее смотрел.

– Глазастый ты наш! Ты так старательно изображал случайного прохожего, что я даже подумал, что ты меня не заметил. А ты не только заметил, а еще и увидел, как я на нее смотрел. Ну и зачем ты туда поперся? Любопытство заело?

– Ну, заело. Не всем так везет, как тебе, Ши-Бон, и Жанна, и Яна, и Аля с первого этажа...

Алик пригорюнился, и Шибаеву стало его жалко.

– Ладно, Дрючин, жизнь – она полосатая, не парься. И главное, не забывай про зеркало.

– Какое зеркало?

– Посмотреться не забывай, когда выходишь из дому. Я посмотрелся, как ты велел, и встретил Яну.

– Правда? – обрадовался Алик.

– Правда. Работает.

– Знаешь, мне она понравилась, – сказал Алик. – Какая-то хрупкая и прозрачная и... и... несовременная, – он вздохнул. – Ты был у нее в квартире?

– Я был у нее в подсобке. Ты как-то не так все понимаешь, Дрючин. Просто пришел проведать.

– Я видел, как ты на нее смотрел, – повторил Алик. – И не верю в дружбу между мужчиной и женщиной. Весь мой опыт говорит, что...

Шибаев рассмеялся...

Глава 9

Правая рука

Мэтр Рыдаев поместился в кресле у окна, словно заявляя, что он тут лицо не главное и не нужно обращать на него внимания. Шибаев расположился против громадного письменного стола, за которым сидел Андрей Богданов, генеральный директор предприятия «Форель», правая рука Ады Романовны.

Андрей Богданов оказался небольшим светловолосым молодым человеком лет тридцати с небольшим хвостиком. У него было лицо типичного кабинетного работника: бледное, с мелкими правильными чертами, с безукоризненным пробором; на переносице сидели очки в золотой оправе. Шибаев обратил внимание на его руки – небольшие, как у женщины, с тонкими пальцами; на мизинце он носил серебряное кольцо с тускло-красным камешком. Шибаев подумал, что у парня сильный характер: удерживать на плаву «форельную» империю – это вам не кот начихал. Сам он не любил бумажную работу и тянул резину до последнего, а потом спихивал отчеты на Алика. Алик, будучи занудой, трепетно относился ко всякого рода бумажкам, а потому с недовольным видом сортировал их, раскладывал, подшивал, испытывая при этом чувство глубокого морального удовлетворения, так как мог вставить Шибаеву фитиля.

– Спасибо, что нашли для нас время, – сказал Андрей Богданов. – Ада Романовна очень рассчитывает на вас. Она немного нездорова в последнее время, и обсуждать возможные проблемы вы будете со мной. Ада Романовна передала для вас документы Николая Андреевича. Я их просмотрел, тут немного, но оттолкнуться, мне кажется, есть от чего. От меня – любая помощь, какая потребуется. Я полагаю, размер гонорара вы оговорили с Адой Романовной. Возможно, у вас есть ко мне вопросы? – Он замолчал, вопросительно глядя на Шибаева.

– Пока нет, – ответил тот. – Я должен сначала просмотреть бумаги.

– Тогда не буду вас больше задерживать.

Андрей протянул Шибаеву толстый конверт из плотной бумаги...

– Как держится, а? Лорд! Королевский секретарь! – прокомментировал мэтр Рыдаев, когда они были уже на улице. – Высочка!

– Кто он?

– Никто! Ада Романовна высмотрела его лет десять назад, он был совсем мальчишкой, ездил на рыбном фургоне. Из бедной семьи, образования никакого, пьющий отец, жалкая несчастная мать... Я думаю, у нее это была тоска по сыну.

– А ее собственный сын?

– Сева был ленивым избалованным неучем с отвратительным характером, кроме того, пил, а в последнее время наркоманил. Удивительно, как у сильных родителей получается такое неудачное потомство. А все потому, что ни в чем отказа не было. Хочешь крутой байк? На! Машину? На! Разбил? На другую. Деньги? Сколько? Говорят, бери что хочешь, но плати. Брать-то он брал, но не платил. А этот мальчишка – хитрый, изворотливый, умный – не упустил своего шанса. Она отправила его учиться на экономический, он окончил с красным дипломом. Читает на английском, предложил несколько новых идей. Ада Романовна нарадоваться на него не может. И почтителен, вперед пропускает, с праздниками поздравляет, про цветочки не забывает. А она, баба, не избалованная вниманием, так и тает.

– Тебе он не нравится? – спросил Шибаев.

– Да не то что не нравится... – задумался мэтр Рыдаев. – Завидую, должно быть. Парень попал в струю, заправляет таким хозяйством, а сам – сопляк сопляком. Чувствую себя старой развалиной, должно быть. И, главное, все легко, все играючи! Сейчас такая молодежь пошла,

кого хочешь пополам перекусит, авторитетов не признает, тебя ни в грош не ставит, смотрит оловянными глазами, а что внутри – хрен поймешь. На все способны. Мы в их возрасте рот боялись раскрыть, смотрели на старшее поколение как на небожителей.

Шibaев ухмыльнулся, представив себе Пашку Рыдаева, который боится раскрыть рот, и сказал:

– Мне он понравился, чувствуется уверенность и характер.

– Если честно, мне он тоже нравится, – признался Рыдаев. – Понимаешь, подкупает то, что он не врет и не юлит, говорит, что думает, и не стесняется спрашивать. Звонит и говорит: извините, мэтр, я тут кое-чего не понимаю, объясните, пожалуйста. И никакого тебе выпендрежа, никакой фанатерии – если не прав, так и говорит: извините, я был не прав. Ты же знаешь, есть персонажи – удавится, а не признает, что не прав. Новое поколение! И трудоголик. И еще одно: он свободен, понимаешь, Шibaев? Свободен! А свободный человек по нашим временам – большая редкость.

– Как я понимаю, Ада Романовна ему полностью доверяет. А ей не приходит в голову, что ему невыгодно искать сына Николая Андреевича?

– Понимаю, о чем ты. Здравая мысль, очень! Отвечаю. Андрей предан ей как матери, это первое. Второе. Она оставит ему будь здоров, хватит и детям, и внукам. Третье: неизвестно, что там еще за персонаж! Как найдут, так и потеряют. Ну, может, подкинут денег на бедность. Это она сейчас жаждет найти этого парня, а потом... Да мало ли! Передумает, скажет себе: ты что, с катушек слетела, старая дура? Слабину даешь, хватку теряешь? Кто он тебе? Да никто и звать никак! Всякое может случиться. Тем более после дурацкой истории с Тиной, Севкиной зазубой. Да она уже тысячу раз раскалась! И четвертое: не факт, что ты его найдешь. А насчет Андрея... Ты меня знаешь, Шibaев, я циник с богатым жизненным опытом, у меня нутро как радар. Да, он мне не нравится, но, убей меня, я не чувствую в нем подлости. Отодвинуть тебя с дороги, если попадешься под ноги, – да, отодвинет и переступит, но ничего личного, просто бизнес. А подлости... Вот не чувствую в нем подлости, и баста. Андрей – самое удачное ее вложение, проценты сумасшедшие. Вот так-то, Шibaев.

...Он засиделся в тот вечер допоздна, разбирая бумаги покойного Николая Андреевича. Но ничего интересного там не обнаружил. Несколько открыток с поздравлениями к Новому году от каких-то Павла и Лены; письма, в которых не было ничего интересного – от побратима из армии, из Германии; выгоревшее свидетельство о рождении, квитанции об уплате штрафов за парковку в неположенном месте, превышение скорости; старые удостоверения из ДОСА-АФа, трудовая книжка, пропуск на завод; абонементы в бассейн и спортивный зал; записная книжка с десятком-другим телефонов и адресов, чеки из магазина запчастей. Еще одна квитанция на оплату услуг некоего «Экскалибура» девять лет назад. Трудовая книжка. Шibaев наморщил лоб, но что такое «Экскалибур», так и не вспомнил. Театральное агентство? Что-то связанное с искусством? Неизвестно. Да и не важно это было. Он рассчитывал найти свидетельство о первом браке, но его среди бумаг не оказалось. Свидетельства о разводе тоже не было. Придется исходить из того, что первая жена до сих пор Руданская, а там посмотрим. Ада Романовна сказала, что ничего о его первой семье не знает. Шibaев не поверил, но это ничего не меняло. Не знает или не хочет сказать... Получается ерунда, одернул он себя. Если бы знала, то сказала бы, ведь она хочет найти этого парня – иначе зачем затевать возню? Для очистки совести? Вряд ли. Да и репутация человека прямого до грубости как-то не вяжется с этими вибрациями. Не знает, решил Шibaев. Ничего она не знает – неинтересно было, пока не припекло. Ну что ж, начнем прочесывать город, а там посмотрим. Но хотя бы имя той женщины не могла она не знать! Когда уводят мужа, то, как правило, знают у кого. Имя соперницы знают. Вот и спросим. И адресок, где проживал Николай Андреевич с семьей, тоже не помешает. Четверть века – и много, и мало, вполне можно найти живых свидетелей. Можно было бы спросить у Андрея Богданова, но вряд ли он в курсе, а если спросит у работодателя, то не факт,

что получит ответ. Тут нужны официальные отношения. Частный детектив вроде духовника, налогового инспектора или гинеколога – записаться не имеет смысла и себе дороже. Значит, завтра же и спросим. Напросимся к Аде Романовне в гости и спросим.

Но спросить ему не удалось. Утром позвонил адвокат Рыдаев и сообщил, что Ада Романовна Руданская скорпостижно скончалась от сердечного приступа сегодня, предположительно в четыре утра...

Глава 10

Начало

– Не может быть! – ахнул Алик Дрючин, когда Шibaев рассказал ему за завтраком, что Ада Романовна умерла. – И что теперь?

Шibaев пожал плечами:

– Пашка Рыдаев говорит, это ничего не меняет. Договор остается в силе.

– Это все меняет! – возразил Алик. – Кому теперь нужен чей-то сын? А кто наследник?

– Половина Богданову, половина сыну Николая Андреевича.

– А если ты его не найдешь?

– Тогда его доля продается и идет на благотворительность, там расписано, куда именно. То есть Богданову все равно не обломится целиком. Ада Романовна назначила доверителей, которые присмотрят, чтобы все по закону.

– Знаем мы этих доверителей, – буркнул Алик. – Жаль, не дождалась...

– Жаль. Я не нашел ничего стоящего в его бумагах, думал поговорить с ней еще раз. Кстати, ты не знаешь, что такое... «экскалибур»?

– Знаю! Это волшебный меч короля Артура. А что?

– Я нашел квитанцию из этого заведения на оплату услуг.

– Каких услуг?

– Там не сказано. Плохая копия, старая, текст написан от руки. Всего пара слов. Уплачено, сумма и дата. Девять лет назад. И закорючка вместо подписи.

– А печать есть?

– Печати нет.

– Тогда документ не имеет юридической силы.

Шibaев уставился на Алика, даже жевать перестал. Адвокат часто ставил его в тупик своими заявлениями.

– Что? – спросил Алик.

– На хрен мне юридическая сила документа? Я что, в суд собираюсь? Или что ты имел в виду?

– Я имел в виду, что это может быть что угодно! – повысил голос Алик. – Затрапезная контора, сто лет назад их было как собак нерезаных, у многих даже компьютера не было. Может, ремонт машин. И от руки написано...

– И что?

– Ничего, просто сказал, а ты сразу кидаешься.

– Так бы и сказал, что просто.

– Я и сказал. С чего думаешь начать?

– С адресного стола. Может, первая жена Руданского жива-здоровая и проживает в нашем городе.

– Как по-твоему, Руданский пытался их разыскать?

– Если они остались в городе, то он и так знал, где они. Если нет... – Шibaев задумался.

– Что он был за человек?

– Типичный подкаблучник, безобидный, побаивался жены. Она его выдернула из первого брака, а он, как я понимаю, не очень сопротивлялся.

– Бросить беременную жену... – покачал головой Алик.

– Потому и бросил, что подкаблучник. Новая любовь, новые горизонты... Финансовые. Вот и бросил. Ада дала ей отступного, я думаю. Скандал никому не был нужен, кроме того, совесть. Сильный характер, то-се, а ведь не могла не понимать, что делает подлость.

– Ты думаешь, Руданская взяла?

– Ты, Дрючин, задаешь дурацкие вопросы. Ты еще вспомни о женской гордости! Конечно, взяла, ребенка-то кормить надо.

– Ты, Ши-Бон, какой-то бескрылый, – грустно заметил Алик. – Я бы эти деньги бросил им в лицо. Ее унизили, а она берет у них деньги! Не понимаю. Да я бы... Я бы полы пошел мыть...

– Полы он пошел бы мыть! – перебил Шибаев. – Ты бы тоже взял. Спорнем?

– Ни за что! – вскричал Алик. – Пари!

– Вот смотрю я на тебя, Дрючин, и думаю, – сказал после паузы Шибаев, – ты нарочно всякую поперечную фигню несешь или на самом деле?

– Чего это фигню?

Шибаев махнул рукой и потянулся за бутылкой.

– Нет, ты скажи! – настаивал Алик, верный своей привычке доводить все до абсурда.

– Вот когда будешь брошенной беременной женой, тогда и поговорим, – огрызнулся Шибаев. – Пить будешь? Скажи лучше, за что пьем.

– Давай за любовь! А ты, Ши-Бон, всегда все ставишь с ног на голову.

– Такой уж я путаник, Дрючин, спасибо, что раскрываешь мне глаза. Тост принимается, пьем за любовь.

Они выпили. Алик поморщился и сунул в рот кусок хлеба.

– Хороший коньяк, – похвалил Шибаев. – С чего это ты вдруг?

– Ну... захотелось чего-нибудь... – Алик пошевелил пальцами. – Да и похолодало.

Некоторое время они молча ели. Потом Алик спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.